

А. А. Шайкин

ЖИТИЙНЫЙ ГЕРОЙ В РОМАННОМ ПОВЕСТВОВАНИИ:  
«ЛАВР» ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА  
(Часть первая)

Резюме

Житие и роман как жанры близки друг другу стремлением показать путь личности и представить полноту жизни героя, однако ценностные ориентации романного и житийного героев противоположны: последний исходно отрицает то, к чему стремится первый, а именно успехи в мирской жизни. Герой романа Е. Г. Водолазкина «Лавр», имея от рождения задатки героя житийного типа, в начале своей самостоятельной жизни реализует не житийный, а романнный образ жизненного поведения, приводящий его к трагедии — смерти любимой, причем без покаяния и обряда, что важно в житийном плане. В статье прослеживается, как герой, стремясь спасти душу любимой женщины, превращает свою жизнь в непрерывный подвиг служения людям. На этом пути происходит переосмысление целей жизни, как всеобщей, так и индивидуальной, категорий времени и его наполнения событиями, горизонтального и вертикального пути. Герой проживает четыре отличных друг от друга периода жизни, и, соответственно, четыре раза меняется его имя, но некая монада его личности сохраняется. Обретая святость, герой спасает жизнь молодой женщине, принимает у нее роды, чем восполняется гибель первой любви Арсения, Устины, и умершего в ее утробе младенца. Поскольку по смерти не преданное земле тело героя не подвергается тлению, а затем исчезает, можно предполагать, что герой достигает цели своей жизни — спасения души любимой женщины, а также и души собственной. Метод аналитического чтения позволяет проследить, как в повествовании преодолевается антиномия романного и житийного начал, выявляется их взаимовлияние и прорастание одного в другом.

*Ключевые слова:* жанр, житие, роман, герой, врачеватель, лики, монада, топос, святость, греховность, гордыня, юродство, монастырь, схимник

© А. А. Шайкин, 2020

Aleksandr A. Shaikin

A HAGIOGRAPHIC HERO IN A NOVELISTIC NARRATIVE:  
*LAURUS* BY EUGENE VODOLAZKIN  
(Part One)

Abstract

As genres, the hagiography and the novel are close in their intention to show the path of a personality and to depict the whole life of a hero. However, the value orientations of a novelistic hero and a hagiographic hero are opposite: from the very beginning, the latter denies what the former is striving for — the success in worldly life. The main hero of E. G. Vodolazkin's novel *Laurus*, from his very birth, has the inclinations of the hagiographic hero, but at the beginning of his independent life, he behaves not in the hagiographic, but in the novelistic way, which leads him to tragedy: his beloved woman dies without the repentance and ritual that are important in terms of hagiography. The article examines how the hero, trying to save the soul of his beloved woman, turns his life into a constant feat of serving people. On this path he reconsiders the meaning of life's goals on a general and individual level, the categories of time and how time is filled with events, and the horizontal ("worldly life") and vertical ("a life leading to Heaven") paths. The hero goes through four distinct life periods and, accordingly, changes his name four times, but a certain monad of his personality remains unchanged. Growing in holiness, the hero saves the life of a young woman — he assists her when she delivers her baby — and that compensates for the loss of his beloved one and their unborn son. Since after the hero's death his unburied body does not decay and eventually disappears, it can be assumed that the hero achieves the goal of his life — the salvation of his beloved woman's soul, as well as his own. The method of analytical reading allows us to trace how the author in his narration overcomes the antinomy of the novelistic and hagiographic principles, and how those principles influence each other and grow into each other.

*Keywords:* genre, hagiography, novel, hero, healer, monad, topos, holiness, sinfulness, pride, foolishness for Christ, monastery, schemamonk

DOI 10.31860/2712-7591-2020-4-98-148

У жития и романа общим является интерес к отдельной человеческой судьбе и стремление представить полноту жизни героя, но по своим ценностным ориентациям и целям герои этих жанров не просто далеки, но взаимно исключают друг друга. Герой жития исходно отрицает то, к чему стремится герой романа, — успехи в мирской жизни.

В конце романа немецкий купец Зигфрид (а какое же еще имя может быть у купца из Данцига!) недоумевает: «Что вы за народ такой... Человек вас исцеляет, посвящает вам всю свою жизнь, вы же его всю жизнь мучаете. А когда он умирает, привязываете ему к ногам веревку, и тащите его, и обливаетесь слезами». Русский кузнец Аверкий, накануне отринувший волю Лавра, отвечает немцу: «Ты в нашей земле уже год и восемь месяцев

⟨...⟩ а так ничего в ней и не понял». Зигфрид парирует: «А сами вы ее понимаете?» Ответ Аверкия обращен, похоже, уже не только к Зигфриду, но и к читателю романа, закрывающему последнюю страницу: «„Мы?“ Кузнец задумывается и смотрит на Зигфрида. „Сами мы ее, конечно, тоже не понимаем“» [Водолазкин 2014, с. 440–441]. Шансы понять то, чего не понимают в русской жизни Зигфрид и Аверкий, невелики, но можно попробовать разобраться в том, что же мы понимаем или не понимаем в героях романа Евгения Водолазкина.

Человек, имеющий в глазах людей несомненные признаки святости и доживающий последний период жизни — уже с четвертым именем, просит не совершать над своим телом похоронного обряда: «Привяжите к ногам веревку и тащите его в болотную дебрь на растерзание зверям и гадам» [Водолазкин 2014, с. 433]. Завещание выполняется. Спрашивается, что же привело святого человека к такому финалу?

Есть легкое объяснение. Лавра в крещении именовали Арсением в честь Арсения Великого. В 449 г. ученики Арсения Великого, ввиду близкой кончины наставника, спросили его: «Как похоронить тебя, честный отец? Он же сказал им: Привяжите к ногам моим веревки и выбросите меня за гору». Пожелания у Арсениев сходные, но обстоятельства и поведение при кончинах разные. Арсений Великий не дорожит бранным телом, его можно сбросить с горы. Но все же должна быть веревка, которая удержит тело, т. е. сброшенность как бы не окончательная, не происходит исчезновения, распыления тела в бытии. Тогда как тело Арсения-Лавра должно исчезнуть в зверях и гадах, стать неразличимым в природном мире.

По-разному ведут себя герои и в кончине. Арсений Великий при приближении последнего часа «начал много плакать и пришел в большой страх. Ученики, увидав его плачущим, спросили его:

— Неужели и ты, честный отец, боишься смерти?

Но он отвечал им:

— Действительно, я всегда чувствовал страх смерти во все дни иноческой жизни моей, начиная с того дня, в который я облекся в образ иноческий» [Житие Арсения Великого, с. 267].

В один из последних периодов своей жизни Арсений-Лавр тоже обрел дар слёз, но страха перед кончиной не испытывает; ему случалось и стремиться к смерти, и осознавать необходимость продолжения жизни, но страха собственной смерти в зрелом возрасте в нем не было (об отношении к смерти в детстве и юности ниже).

Наконец, пожелание Арсения Великого остается риторическим: ни сам он накануне кончины, ни ученики его после кончины о нем не вспоминают,

тогда как пожелание Арсения-Лавра серьезно: «Это мое завещание, говорит Лавр. И его следует выполнить». Окрестные иерархи предпринимают специальные меры, чтобы завещание было выполнено. Видимо, у Арсения-Лавра были специальные причины желать такого необычного погребения. Что же это за причины? Для поисков ответа придется обратиться к началу повествования. Но и там, в самом начале, мы встречаемся с тем же вопросом. Уже в «Пролегомене» смерть Лавра оказывается проблемой: «Время от времени высказывается даже мысль, что даровавший исцеления не мог умереть, как все прочие. Такое мнение основано на том, что тело его после смерти не имело следов тления. Лежа много дней под открытым небом, оно сохраняло свой прежний вид. А потом исчезло, будто его обладатель устал лежать. Встал и ушел». Но вот куда тело подевалось, остается неясным. Перемещение его на Небо автор ставит под сомнение: «Думающие так забывают, однако, что от сотворения мира только два человека покинули землю телесно. На обличие Антихриста был взят Господом Енох, и в огненной колеснице вознесся на небо Илия. О русском враче предание не упоминает» [Водолазкин 2014, с. 9–10]. Тем не менее исчезновение, т. е. то, в чем состояло смертное желание Лавра, состоялось. Автор свидетельствует: «...можно с уверенностью сказать, что в настоящее время его с нами нет» [Там же, с. 10].

Попробуем проследить, что же привело героя повествования к такой, можно сказать, аннигиляции его физического тела. Но надо сделать еще одну пояснительную оговорку. Допущение современниками героя его возможной святости, авторское упоминание в связи с ним имен Еноха и Илии и множество иных сопряжений с феноменом святости дают основания для сопоставления героя *романа* «Лавр» с *житийными* героями.

\* \* \*

Будущая святость героя жития иногда начинает проявляться еще до рождения: Сергей Радонежский, пребывая в утробе матери, трижды оглашает знаковые моменты церковной службы [Житие Сергия Радонежского, с. 262]. Устремленность новорожденного Феодосия Печерского к Богу видна священнику, нарекающему ребенка: «сърдьчьныма очима прозря, еже о немь, яко хоцеть измлада Богу датися, Феодосиемь того нарицаеть» [Житие Феодосия Печерского, с. 354]. Ребенок, родившийся 8 мая 1440 г. в Рукиной слободке при Кирилло-Белозерском монастыре, был наречен в честь Арсения Великого, святого, жившего в IV–V столетиях. Арсений — вымоленный ребенок: двое родившихся до него умерли, не прожив и года. Но о предстоящей святости никаких проречений не делается. Арсений не ро-

дился святым. После того как он преодолел первый год жизни, родители отслужили благодарственный молебен. Но и только.

Автор жития имеет дело с реальными, не им придуманными именами героев, автор романа нарекает своих героев. Наречение центрального героя Арсением мотивировано, видимо, тем, что Арсений, став, правда, уже Лавром, способом своего погребения выбирает сходный с тем, какого желал себе и Арсений Великий. Еще одним пунктом сближения с тезоименитым святым было стремление к молчанию. По ходу повествования несколько раз звучит сентенция Арсения Великого, разделяемая и героем романа: «...много раз я сожалел о словах, которые произносили уста мои, но о молчании я не жалел никогда». Есть и иные сближения со святым IV—V вв., о них скажем позже. По общему значению имя Арсений отсылает к «мужественности» и даже «мужчинству», что, видимо, и станет составляющим его последующей трагедии.

Вторым поименованным героем в начальной части романа является дед Арсения — Христофор. В этом имени богатая семантика. Во-первых, походя оно притянуло имя открывателя Америки, наверное, потому, что это открытие состоялось в год ожидания конца света<sup>1</sup> — важной идеолого-композиционной вехи в романе. Но главным сопряжением имени деда Арсения явилось имя христианского святого — песьеглавца Христофора. Ребенком Арсений любил разглядывать икону Христофора и угадывал в песьей голове общность с ликом своего деда. В дискурсе автора эти два персонажа вообще становятся неотличимы: «Дитя часами рассматривало икону, и сквозь трогательный облик кинокефала мало-помалу проступали черты деда. Лохматые брови. Пролегшие от носа складки. От глаз растущая борода. Проводя большую часть времени в лесу, дед все охотнее растворялся в природе. Он становился похожим на собак и на медведей. На травы и на пни. И говорил скрипучим древесным голосом» [Водолазкин 2014, с. 20]. Христофоры совместились. Кроме того, семантика имени — *несущий Христа* — оправдывалась и тем, что дед носил притомившегося внука в заплечной суме, как некогда святой Христофор нес за спиной младенца Иисуса через реку.

Агиографы обычно не много внимания уделяют родителям героя, жизнеописание Арсения лапидарен в этом отношении до чрезвычайности. Не только не названы имена отца и матери, — их, в сущности, вообще нет

---

<sup>1</sup> Имя Христофора Колумба всплывет в связи с будущим другом Арсения ясновидцем Амброджи Флеккиа: мальчиком он провидел открытие Америки и даже разглядывал профиль мореплавателя, охваченный «зловещим свечением» [Водолазкин 2014, с. 227]. Немного далее высказывается предположение, что открытие Америки в 7000 (1492) г., возможно, и является началом конца света [Водолазкин 2014, с. 231].

до самой сцены их смерти. В ней, однако, выявляются значимые качества героя для всей последующей его жизни.

Ввиду надвигающегося морового поветрия отец отвез сына из Рукиной слободки к деду Христофору, живущему отдельно. Семилетний Арсений, глядя на фигуру удаляющегося отца, плачет: «Что убо плачести, спросил мальчика Христофор. — Зрю на нем знамение смертно, ответил мальчик» [Водолазкин 2014, с. 26]. Семь суток Арсений плакал, «зная» о смерти родителей; дед молчал, зная, что Арсений прав. Через семь суток они решили сходить в слободку.

Когда приблизились к дому Арсения, Христофор сказал: «Дальше не ходи. Здесь в воздухе смерть. Мальчик кивнул, потому что видел ее крыла» [Водолазкин 2014, с. 27]. Мальчик «видит» смерть, его видение смерти и впоследствии иногда опережает ее осуществление. Границы жизни и смерти в романе лишены непроницаемости. Христофор, оставив мальчика, начал приближаться к дому. Некто голосом его сына запрещает ему входить в дом: «Стой, убую». Христофор, врач, целитель, просит разрешения «осмотреть» сына и сноху. «Мы уже умерли, сказал голос. И непричастны живым. Не входи, чтобы Арсений выжил» [Водолазкин 2014, с. 28]. Голос только похож на голос сына, его голосом воспользовалась потусторонняя сущность, и она оберегает Арсения.

Но тут сам Арсений услышал голос матери, просящей пить. Мальчик кинулся в дом, поднес воду и целовал «желеобразное лицо», но она уже не могла открыть глаза: «Сынок, я уже не могу проснуться...»

Сущность, завладевшая голосом отца, обладает и физической силой: «Рука отца схватила Арсения и швырнула его к порогу. От порога его оттащивал уже Христофор. Арсений закричал так, как не кричал никогда, но в слободке его никто не услышал. Когда наступила тишина, он увидел на пороге мертвое тело отца» [Водолазкин 2014, с. 28].

Это единственный присутствующий в романе контакт сына с родителями. Из него следует, что герою присуща способность, называемая ясновидением, такой же способностью обладает и его дед. Герой готов считаться с реальной ситуацией, но в критический момент благоразумие отбрасывается, и герой спешит к нуждающемуся в помощи, в данном случае к матери. Граница жизни и смерти не безусловна: умерший отец или некто, пользующийся его телом, вмешивается в события; мать говорит уже из иного мира, но ее слова слышны Арсению. Проницаемость границы этого и иного мира, нередкая в житиях, в романном повествовании интенсифицируется.

Герой жития в детстве избегает пустячных забав сверстников, стремится в храм и обычно рано постигает книжное учение. Обучение Арсения дале-

ко от житийного. Поначалу Христофор просто рассказывал мальчику занимательные истории, которые имелись в переводных апокрифах. Впрочем, в Средневековье (последуем за автором, нередко дающим такие пояснения) не особо отличали апокрифы от канона и переводное от своего. Занимательная история о Соломоне и Китоврасе вполне годилась для рассказывания на ночь. Причем центральная история добывания шамира, нужного Соломону для строительства Храма, не занимала Христофора и Арсения, а вот мудреные реакции Китовраса на разные события во время прохода через Иерусалим и его последующие комментирующие разъяснения — они и рассказывались на ночь.

Позже Христофор отмечает, что мальчик одарен, всё схватывает на лету, и, стало быть, можно приступать к объяснению Божественного сотворения мира. Христофор — умелый педагог: в ясную октябрьскую ночь он привел Арсения на луг и наглядно показал ему схождение небесной тверди и тверди земной. Луна и звезды созданы для «просвещения» ночи, солнце — для «просвещения» дня.

Уроки естествознания Христофор преподавал Арсению в прогулках по лесу. Сведения о светилах Христофор прагматизирует, связывая их с погодными явлениями на земле. Акты Творения из Книги Бытия Христофор иллюстрирует новеллами из «Физиолога», извлекая из них символические смыслы. Так, рассказ о львенке, рождающемся у львицы мертвым и оживающем на третий день, когда приходит лев и вдыхает в него жизнь<sup>2</sup>, традиционно отсылает к ветхозаветному стиху: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2: 7). Но Христофору (и солидарному с ним автору) такого толкования недостаточно. Арсений узнает, что история оживления львенка «напоминает нам о том, что и дитя человеческое до своего крещения мертво для вечности, с крещением — оживает» [Водолазкин 2014, с. 30]. Таким образом, ветхозаветное толкование переходит в новозаветное.

Новеллки средневекового «Физиолога» дают осязаемое наполнение христианским категориям. Так, сожжение птицы Феникс символизирует в повествовании Христофора мучения принявших смерть за Христа — они «возрождаются во всей славе Царствия Небесного». Ближе к древнерусскому тексту Христофор пересказывает новеллку о птице «харадр», по поведению которой можно понять, ожидает ли больного человека смерть или выздоровление; при этом, если харадр возвещает выздоровление, то он берет

---

<sup>2</sup> «Егда львовица родить скимена, мертва его родить и стрезеть его три дни, дондеже пришесть отець его дунеть на лице ему и въставить и» [Физиолог, с. 12].

хворь болящего на себя и, взлетая к солнцу, «распрошить ю» (рассеивает её) [Физиолог, с. 12]<sup>3</sup>. — Не так ли и Иисус Христос «вознесся на древо крестное и источил нам пречистую кровь Свою на исцеление греха», — заключает Христофор [Водолазкин 2014, с. 31].

В конце романа птица «харадр» вспоминается еще раз: мальчику Арсению, опять сидящему в сумке Христофора, представляется, что он сам стал птицей харадр и, беря на себя чужие язвы, в поднебесье развеивает их [Водолазкин 2014, с. 409]. Перед читателем поздняя символизация всего врачевательского пути героя и одновременно реализация важной идеи Христофора о *возвращении как завершении смысла*.

Арсений выучивается и письменной грамоте, дается она ему легко, и мальчик приступает к чтению берестяных грамот Христофора. Походя они с Христофором решают и проблему сплошной строки в книжных текстах: вопрос Арсения, почему слова в книгах не пишутся отдельно, Христофор парирует своим вопросом: «А разве они произносятся порознь?» Фонологи, наверное, фиксируют интервалы между словами, но в Средневековье, как любит замечать автор, фонологии еще не было. Кстати, и в самом «Лавре» строение текста достаточно средневековое: сплошной строки, конечно, нет, но прямая речь не выделяется, фразы по большей части дейктические и короткие.

Одной из первых книг, прочитанных Арсением, было повествование об Александре Македонском. Автор упоминает, что «эта книга была некогда переписана Феодосием, дедом Христофора, и даже приводит текст Феодосия, уведомляющего читателя о своей работе<sup>4</sup>. «Александрия» еще не раз будет всплывать в романном повествовании<sup>5</sup>.

---

<sup>3</sup> Мы не ставим своей целью поиск источников текста романа «Лавр», это в случае академического издания с исчерпывающей полнотой сделают доктора филологических наук Е. Г. Водолазкин и Т. Р. Руди. Мы лишь комментируем некоторые из таких случаев с целью уяснения семантики и поэтики романа.

<sup>4</sup> В XV в. существовало несколько видов русской редакции этого романа, причем популярная Ефросинова редакция не была самой ранней [Лурье 1965, с. 150; Ванеева, с. 21–25; Каган, Лурье, с. 233]. Сербской «Александрии» предшествовали хронографические: 1) [Хронограф 1512, с. 186–213]; 2) [Хронограф западнорусской редакции, с. 1–32]; 3) [Летописец Еллинский и Римский, с. 85–178]. Так что дед Христофора вполне мог быть одним из переписчиков какой-либо славянской версии греческого романа.

<sup>5</sup> Фиксацию и оценку «вкраплений» «Александрии» в текст «Лавра» см.: [Махихина, Сидорова, Насрутдинова, с. 184–189]. Правда, в статье почти отсутствуют обращения к текстам древнерусских Александрий, за исключением двух цитат из электронной «Александрии» без указания страниц.

Традиционный житийный топос обучения и воспитания осуществляется в тексте Е. Г. Водолазкина в далековатой от агиографии форме: учитель и ученик гуляют по лесу, ночью выходят на луга; мальчик Арсений слушает занимательные истории и читает не священные тексты, а «приключенческие» произведения. Впрочем, «Александрия» лежала в доме Христофора в «красном углу» «под одной из икон» [Водолазкин 2014, с. 41], как бы приобретая статус Священного Писания. Житийный топос обучения у Водолазкина определенно романизируется.

«Книга познания», первая книга романа, малолюдна. В ее первых главах, в сущности, присутствуют только дед и внук. Изолированность усиливается «сосредоточенностью», которую отмечает Христофор у Арсения. Ребенка интересует понятие «смерть», он способен так изобразить состояние смерти, что дед пугается, поднимая мальчика. В эту пору мальчик еще не боится смерти и успокаивает деда: «Не надо бояться, закричал мальчик, потому что я опять живой» [Водолазкин 2014, с. 21]. Но позже, наблюдая, как дед бальзамирует для перевозки тело убитого в драке новгородца Андрона, мальчик в разговоре с прозорливым Никандром признается: «А я стал бояться смерти. Старец провел рукой по волосам Арсения. Сказал: Каждый из нас повторяет путь Адама и с потерей невинности осознает, что смертен. Плачь и молись, Арсение. И не бойся смерти, потому что смерть — это не только горечь расставания. Это и радость освобождения» [Водолазкин 2014, с. 38–39]. Эту мудрость Арсению суждено познать только накануне своей смерти.

Чтобы посетить бабушку, пораженную молнией задолго до рождения Арсения, мальчик, привязав павлиньи крылья, предпринимает полет на небо. Он всерьез верит, что «до ужина» успеет вернуться; падение на землю<sup>6</sup>, кажется, не очень разубеждает его в принципиальной возможности такого полета. Несколько позже, слушая рассказ Христофора о птице харадр и задаваясь вопросом, где же взять эту птицу, Арсений получает полушутливый совет деда: «Будь сам этой птицей, Арсение. Ты ведь немного летаешь». Но ответная реакция лишена шутливости: «Мальчик задумчиво кивнул, и от его серьезности Христофору стало не по себе» [Водолазкин 2014, с. 31]. Серьезность и сосредоточенность, возможно, окажутся в числе оснований будущей трагедии героя.

---

<sup>6</sup> Его любимый герой, Александр Македонский, изобретательнее: стоя в клетке, он высовывал наружу вверх куски мяса, и крылатые звери несли его «горь», опуская мясо вниз, Александр обеспечивал полет «долу» [Русский хронограф, с. 202–203].

*Знание* Арсения нередко сверх обычной человеческой природы. Например, он не боится волка, ибо понимает его намерения. Дед Христофор, также обладающий сверхзнанием, при встрече с волком ведет себя вполне благозвучно: «Не будем двигаться, и он уйдет. Великомучениче Георгие, помози<sup>7</sup>» [Водолазкин 2014, с. 23]. Но мальчик Арсений видел другое: «Он не уйдет... Он же пришел, чтобы быть с нами» [Водолазкин 2014, с. 23]. Не испытывая страха, подошел и взял волка за загривок. Волк пошел с ними, но на границе леса остановился. В дальнейшем он пересек границу и ночевал во дворе одинокого дома Христофора, а потом и внутри дома.

Исходя из архаических верований, можно предположить, что этот волк мог быть одним из предков Арсения, охранителем, обладающим вещим знанием<sup>8</sup>. Разбойник, ворвавшийся с ножом в дом Христофора, был остановлен волком. Но, отдавая дань реализму, автор замечает, что волк не отличался безудержным геройством. Разбойник являл собой столь несомненное воплощение Смерти, что волк «с хвостом между ног полез под лавку» [Водолазкин 2014, с. 48]. Однако, когда разбойник ножом замахнулся на Арсения, волк прыгнул, мертвой хваткой вцепился в предплечье, отгрызая левую руку. Правой разбойник нанес волку несколько ударов ножом, но смертельные удары не смогли ослабить хватку.

Мы не нашли прямого источника мотива волка в романе «Лавр». Есть немного случаев, когда волк, существо по преимуществу враждебное человеку, выступает помощником героя. В северной сказке девица-царица готовится отрубить Ивану-царевичу руки и ноги: «...берет свою саблю вострую и хочёт отрубить руку-ногу на́косо. Выскочил серой волк, схватил девичу, начал бить, ломать, по полю трепать; волочил, волочил, убил и бросил» [Иван-царевич и девица-царица, с. 67]. После этого подвига волк покидает царевича. В другой сказке волк заставил ворона принести живой и мертвой воды, которой оживили Ивана-царевича [О двойне, с. 471–473]. Наконец, в популярной сказке «Иван-царевич и серый волк» царевич разъезжает на волке, волк исправляет промахи царевича при выполнении «трудных задач»,

<sup>7</sup> Восточные славяне считали св. Георгия патроном волков [Гура, с. 413]. Если волку дать хлеба и обратиться к нему, как к человеку, он не тронет [Костюхин, с. 152–153].

<sup>8</sup> В народных поверьях волк может быть медиатором между тем и этим светом, считаться предком человека, быть тотемным существом [Гура, с. 411–418]. В «Повести временных лет» половецкий хан Боняк ночью в степи воет волком, и волки отвечают ему. Между ними существует связь, вероятно, волк был тотемом Боняка, может быть, хан и сам «волк». То, что волк «отвысь ему», вселяет в Боняка уверенность: «Побѣда ны есть на угры заутра» [ПВЛ, ч. 1, с.179]. В «Слове о полку Игореве» князь Всеслав оборачивается волком, Овлур волком сопровождает Игоря, бегущего из половецкого плена. В северной сказке герой оказывается зятем волка [Волк — медный лоб, с. 20].

а в конце с помощью ворона возвращает ему самую жизнь [Афанасьев, т. 1, № 168]. Волк Арсения, видимо, из числа таких волков. Но надо заметить, что фольклорные волки-помощники всегда остаются в живых, в отличие от волка Арсения.

Хотя слово «волк» в романе иногда пишется с прописной буквы, как имя собственное, волк Арсения отчасти похож на собаку. Он освоил жилое помещение, вблизи растопленной печи «волк растягивался на полу и по-собачьи клал голову на лапы» [Водолазкин 2014, с. 33]. Много позже собаки напоминают Арсению «Волка его детства. Кормя их, он как бы кормил и его. Память о нем. Собаки съедали то, что когда-то не успел съесть Волк. Когда они уходили, Арсений кричал им вдогонку слова прощания и просил передать Волку привет» [Водолазкин 2014, с. 181]. Собаки неоднократно выручали Арсения: в зимнюю стужу он мог устроиться меж собак в деревянном сарае, и собаки, хотя и «заворчали, но не причинили Арсению вреда» [Водолазкин 2014, с. 203]. Наконец, дед Арсения, сходяствуя со своим святым патроном, тоже имел несколько песью голову. Вообще-то песьеголовых в романе часто вспоминают, они встречаются не только в дальних странах, но и на местной почве: «...зайдите, допустим, в кремль: там таких много», — говорит Амброджо [Водолазкин 2014, с. 252]. Волк, собаки и некоторые персонажи в повествовании Водолазкина отличаются известным синкретизмом. Это, конечно, качество не столько житийное, сколько романное.

Должно быть, не случайно в момент трансформации мальчика в отрока автор «прорубает» окно в далекое будущее, в финальную часть романа: Арсений, глядя в печь, видит себя глубоким старцем [Водолазкин 2014, 33–34], а старец финальной части повествования вглядывается — тоже через печной огонь — в себя мальчиком<sup>9</sup> [Водолазкин 2014, с. 379–380]. Даже волк, завершивший свою жизнь, спасая жизнь Арсению, перемещается сквозь этот временной коридор и слизывает слезы со щек — уже не Арсения, как прежде, — а Амвросия. Арсений и Амвросий становятся здесь монадой вопреки заявлениям автора, что у него не один, а четыре главных героя в одном теле<sup>10</sup>. Слезы Арсению, оплакивающему волка, «шершавым прикосновением» вытирает и Христофор — он ведь тоже отчасти песьей породы.

Арсений подрастает, и миссия Христофора подходит к концу. Это он чувствует и сам. После исповеди в Кирилловом монастыре Христофор внима-

<sup>9</sup> Мальчик Арсений, конечно, еще не знает, что тот, кого он видит, имеет имя Амвросий [Саргсян, с. 231], но он несомненно узнает в старце себя.

<sup>10</sup> Кроме «Прологомена», в конце романа сам герой, ставший Лавром, обнаруживает в себе четыре личности, но старец Иннокентий опровергает его, усматривая скрепляющую интенцию для всех четырех ипостасей [Водолазкин 2014, с. 401–402].

тельно посмотрел в глаза прозорливому старцу Никандру. «Что ты хочешь прочесть в моих глазах, спросил старец. — То ты и сам, отче, ведаеши». Ответ Никандра, несмотря на смертную тему, напрочь опрокидывает наметившуюся в словах Христофора высокую стилистику, отрицая тем самым и обязательную в таком случае трагедийность тона: «Скажу тебе лишь, что счет идет не на годы. И даже не на месяцы. Прими эту информацию спокойно, без соплей, как то и подобает истинному христианину» [Водолазкин 2014, с. 54]. Как истинные христиане, примем и мы «без соплей» этот дискурс старца в Кирилловом монастыре середины XV в.

Кончина Христофора происходит, когда Арсений достигает 15-летнего возраста<sup>11</sup>. После исповеди у Никандра Христофор озаботился жильем, работы вел, как отметил Арсений, помогающий деду, торопливо. Декабрьским утром Христофор не сумел встать с постели. Ввиду очевидности приблизившейся смерти дед, давая наставления внуку, советовал продолжать лечение людей травами — «тем и прокормишься». Главный же совет прозвучал как бы мимоходом: «А лучше иди в монастырь, буди тамо свещою Господеви». Но Христофор не уверен, что Арсений выполнит его заветное желание и недоверчиво спрашивает: «Послушаешь меня?» [Водолазкин 2014, с. 58]. Арсений как бы *не слышит вопроса*, он весь поглощен мыслью о смерти дедушки: «Не умирай, дедушка. Не умирай... Арсений вздохнул и захлебнулся» [Водолазкин 2014, с. 58].

Интерпретатор, в отличие от автора, имеет возможность вербализировать смыслы, остающиеся в художественном дискурсе между строк или между слов. Мы считаем этот эпизод особо значимым для последующей судьбы Арсения. Как отмеченные выше «серьезность и сосредоточенность» героя, так и нынешняя «глухота» в важнейшем вопросе — выборе жизненного пути — предопределяет будущую трагедию. Вроде бы оправданно и понятно, что юноша, горячо любящий дедушку, в этот момент способен думать только о нем, а не о себе. Но тем не менее завет Христофора прозвучал, был сопровожден специальным вопросом, но Арсений не слышит деда. И Христофор, видимо, не случайно сомневается в том, что внук примет его завет. Позднее о том же заговорит прозорливый Никандр: «Христофор советовал тебе идти в монастырь. Я спрашиваю себя, почему ты его не послушался, и не нахожу ответа...» [Водолазкин 2014, с. 113]. *Здесь осуществилась развилка в жизни Арсения: ему предлагался кратчайший путь к Богу, но он его не выбрал.*

<sup>11</sup> Автор датирует смерть Христофора декабрем 1455 года, а Арсений родился 8 мая 1440 года.

Арсений слишком привязан к земному. Когда Христофор сказал, что умрет, если ляжет, Арсений трое суток поддерживал его своей спиной, не давая лечь. Явившийся Никандр оценил противоестественность ситуации: «Отпусти его, Арсение. Он ведь из-за тебя уйти не отваживается». Видя, что Арсений не хочет выполнять его совет, Никандр смягчает требование: «Бодрствуй с ним до полуночи, сказал старец, а потом отпусти» [Водолазкин 2014, с. 59].

То ли в яви, то ли в полусне Арсения (авторский дискурс допускает ту и другую возможность) Христофор вроде бы почувствовал облегчение, прошелся по избе, прощаясь с травами, погладил спящего внука по щеке, обратился к Господу: «В руце Твои предаю дух мой, Ты же мя помилуй и живот вечный даруй ми. Аминь», перекрестился, лег рядом с Арсением и закрыл глаза [Водолазкин 2014, с. 59].

Проснулся Арсений утром и, осознав смерть деда, закричал. Старец Никандр услышал этот крик в монастыре (для некоторых персонажей романа общие законы природы не существуют) и сказал Арсению: «Не надо так громко кричать, ибо кончина его была мирной» [Водолазкин 2014, с. 59]. Никандр явился (он не приходит, а появляется) отпевать Христофора. Увидев, что Арсений проснулся, поручил ему продолжить чтение, а сам лег рядом с Христофором и стал малоотличим от покойного. Арсению ясно, что «временное омертвление Никандра было проявлением солидарности. Чтобы поддержать Христофора, он решил проделать с ним первые шаги в смерть. Потому что первые шаги — самые трудные» [Водолазкин 2014, с. 60]. Позже, в Пскове, сам Арсений будет так помогать умершему мальчику Анфиму.

Похоронили Христофора у кладбищенской стены, рядом с домом. Никандр прокомментировал это обстоятельство: «Проводивший дни жизни своей в доме у кладбища, дни своей смерти он будет проводить на кладбище у дома<sup>12</sup>. Убеден, что подобная симметрия покойным только приветствуется» [Водолазкин 2014, с. 61].

Герой жития обычно рано остается без родителей, а если они есть и препятствуют чрезмерным, с их точки зрения, религиозным устремлениям своего чада, то герой покидает дом. Например, Феодосий Печерский трижды уходит из дома, Авраамий Смоленский радуется смерти родителей — теперь ничто не мешает его уходу в монастырь. Арсений о совете-завете Христофора уйти в монастырь не вспоминает. После ухода Христофора жизнь юноши

<sup>12</sup> Кладбищенская семантика в «Лавре», выражаясь языком современного исследования, гетеротопична, т. е. способна совмещать удаленные топосы и, главное, обнаруживать «подвижность границ обычных культурных моделей». Подробнее см.: [Камань, с. 121–133].

опустела. Опустела настолько, что он готов переместиться к Христофору — своему единственному родственнику, собеседнику и другу. Своего содержания жизнь Арсения, как оказалось, не имела.

Содержание начало обнаруживаться, когда жители Рукиной слободки по протоптанному маршруту стали приходить со своими хворями к нему. И для людей, и в своем самосознании Арсений «пнемногу становился Христофором» [Водолазкин 2014, с. 64]. Он лечил их, как это делал Христофор, кроме того он применял наложение рук, за что получил прозвище Рукинец. Арсению это прозвище представлялось аналогичным прозвищу его любимого книжного героя Александра — Македонец. Любовь юного лекаря из глубинки России (в сущности, еще Руси) к прославленному царю и воину, завоевателю мира, может показаться странной — что общего между ними? Но в системе романа эти связи будут возникать неоднократно и потому должны быть учтены. Пока же можно ограничиться тем, что 15-летнему юноше вполне пристало влюбиться в непобедимого героя и неутомимого познавателя пространства. Надо отметить, что привязанность эта, разумеется, отдаляла Арсения от того пути, о котором упомянул умирающий Христофор.

Отсутствие Христофора в какой-то мере компенсировалось чтением его берестяных грамот, которые были повсюду в доме. Соломон, Филон, Сократ, царь Филипп становились живыми собеседниками; при этом то, чего не понимал Соломон, не понимают и Христофор, и Арсений. Авторскому дискурсу, как и дискурсу некоторых персонажей, доступно перемещение во времени. Соломон, например, не понимал «путий мужа в юности его», автор сообщает, что этого не понимал и Христофор, и, «как показала жизнь, этого не понимал и Арсений» [Водолазкин 2014, с. 66]. Автор предупреждает читателя, что пути его героя «в юности его» далеки от выверенных и праведных.

Авторская ремарка готовит поворот в сюжете. Еще как бы длится настоящее, оно даже высветляется: «Когда ты умирал, сказал Арсений Христофору, в природе было уже темно. А сейчас — опять светло...» [Водолазкин 2014, с. 67]. Весна — время перемен, Арсений спешит рассказать о них Христофору, своему единственному другу (общение с тем светом не затруднено в романе), но вдруг «что-то его остановило». Арсений ощутил взгляд: «Кто ты, спросил Арсений. — Я Устина». Так появляется новый персонаж с «рыжей прядью» из-под платка и заявляет: «Я есть хочу» [Водолазкин 2014, с. 67].

Поделиться едой с нуждающимся герой жития может (хотя по канону еду приносят ему миряне), но от женщины он должен отвернуться. Еще ребенком он читал вслух в берестяной грамоте Христофора: «Не имей дружбы с женою, да не сгориши огнем» [Водолазкин 2014, с. 41], причем эту

грамоту он тогда же отложил в свою «особую корзинку». Даже в любимой «Александрии» Арсений мог читать: «Изначала бо вся злая женою быша: первые бо во человецех Адам прелщен бысть женою и падеся, и великы и храбры Самсон женою погибе, премудрый во человецех Соломон женою ад наследи, согреши, а во Трои мнози царие и витези храбрии за едину жену погибоша» [Александрия, с. 23]. В Арсении же, напротив, несвежий запах молодой женщины, долго скитавшейся после мора, вызывает волнение. Когда после омовения он выдал девушке свою красную рубаху (собственную одежду Устины пришлось сжечь), «одежда, что ранее носил Арсений, теперь обнимала такое непохожее тело. В этом заключалось их странное соединение» [Водолазкин 2014, с. 69]. Для героя жития такие чувства невозможны. Авраамий Затворник бежит с брачного ложа и, «искочивъ же из дому», направляемый благодатным сиянием, «изыде изъ града» [Житие Авраамия Затворника, стб. 1997]; жена стремящегося в Печерскую обитель Варлаама «хожаше предъ нимъ и моляшети ѿ сѣсти на одрѣ своемъ», но юноша, видя «неистовство жены», «моляшеса в тайнѣ сръдца своего к милосърдууму Богу, могущууму спасти от прельсти тоя» [Житие Феодосия Печерского, с. 372], уходит в монастырь.

Арсению кажется, что он «жалеет» девушку, но он сам же осознает, что «так *страстно* не жалел еще никого» [Водолазкин 2014, с. 70; курсив наш. — А. Ш.]. Их первая встреча телесна. Арсений лечит ранки на теле Устины, вдыхая «аромат ее кожи» [Водолазкин 2014, с. 70]. Однако сознание Устины пронизано смертью, она рассказывает, что в ее деревне умерли все, и теперь она страшится смертного часа. Спросила, страшится ли этого Арсений, и, не получая ответа, вдруг запела. Ее песнь о смерти, о гибели тела:

Душа с белым телом распрощается,  
прости, мое тело белое (*набрала воздуха*),  
тебе, тело, идти во сырую землю,  
сырой земле на предание (*на горле набухла вена*),  
лютым червям на съедение [Водолазкин 2014, с. 71].

Эта песня в системе повествования — пророческая, Устина словно предчувствует свою судьбу.

Но пока, в настоящем, всё хорошо. Девушку встретили, омыли, накормили. Ее взгляд встречается с взглядом Арсения, между ними протягивается связь, для которой не существуют неловкости. Не случайно возникает имя Христофора: за вечерней кашей Арсений с Устиной сидят так же, как прежде Арсений сидел с Христофором; поднося ко рту ложку, вырезанную Христо-

фором, Устина как бы целует ее. Арсений вспоминает, как Христофор такими же зимними вечерами вырезал эти ложки. «Тень» деда как бы благословляет их. Оберегая сон Устины, Арсений оказывается рядом, им хочется обнять друг друга, потому что оба одиноки. Устина говорит: «Ляг рядом», — и они соединяются.

Любовь молодых прекрасна: «Устина не отделялась от его любви к ней. Устина была любовью, а любовь — Устиной» [Водолазкин 2014, с. 74]. Но это новое состояние Арсения оказалось полно не только любви, но и страха. Страх перед тем, что любовь может исчезнуть так же «внезапно, как пришла». Откуда этот страх? Дело, вероятно, в эгоизме любви. Страшась потери Устины, Арсений стремится отгородить ее от мира, хочет быть и оставаться единственным ее обладателем. Он прячет Устину в холодной комнате, когда к нему приходят пациенты. Когда ей случилось чихнуть во время визита пациента, он деловито просит ее в другой раз чихать внутрь кожуха — «мех заглушает звуки» [Водолазкин 2014, с. 76].

Отдаваясь эгоизму любви, Арсений хочет заменить Устине всех — отца, и сына, и мужа, а в ней найти замену всех своих близких. Они, Арсений и Устина, стремятся к полной изоляции: «Круг замыкался: они становились друг для друга всем. Совершенство этого круга делало для Арсения невозможным чье-либо иное присутствие» [Водолазкин 2014, с. 76–77]. Для стремления к такой изоляции есть основания: Устина только что пережила повальный мор в своей деревне, в том числе и смерть родных; Арсений не очень давно пережил то же самое, а совсем недавно потерял и Христофора. Так что им есть чего опасаться. Но в повествовании обозначен не только мотив страха. Обозначено и другое: их изолированность «совершенна», они двое самодостаточны, им никто не нужен. Автор настойчиво высказывает мысль о самоизоляции Арсения и Устины: они «были две половины целого, и любое прибавление казалось Арсению не просто избыточным — недопустимым» [Водолазкин 2014, с. 77]. Делая «невозможным чье-либо иное присутствие», они отсекают себя не только от мира людей, но и от Бога. Они признают только друг друга. Такая изоляция — род гордыни, даже если они сами этого не осознают, а гордыня, как известно, смертный грех.

Недаром следом за этой характеристикой совершенной изолированности возникает тема трагического финала Александра Македонского. Мы уже неоднократно упоминали о пристрастии Арсения к роману об Александре. Разумеется, он взялся читать этот роман и Устине. В «Александрях» предсказание Антифонта (Антифона) может звучать несколько раз: в самом начале повествования, предвещая трагический финал Александра, и в конце, ближе к этому финалу. В тексте «Лавра» Устина, благодаря Арсению,

«впервые услышала о предсказании Антифонта Александру. Владыка всего мира, сказал Антифонт, умрет на железной земле под костяным небом» [Водолазкин 2014, с. 77].

Предсказание Антифонта мотивировано знамением, которое было дано царю Филиппу, формальному отцу Александра<sup>13</sup>. Некая птица снесла яйцо прямо на «лоно» царя Филиппа. Скатившись с царя, яйцо разбилось о железный гвоздь, и из него выскочил малый змий; змий обежал много раз вокруг разбитого яйца, а затем, вложив главу в яйцо, умер. Желая понять смысл увиденного, Филипп и призвал предсказателя Антифонта. Приводим объяснение Антифонта: «Царю, будет ти сынъ, имат обьити весь мир, покоря всѣх своею силою, възвращаетъ же ся въ свое царство и малолѣтенъ умретъ подъ костянымъ небомъ и на желѣзни земли. Змии бо царьскыи образъ есть, а яйце подобно миру, от негоже изыде змии. И обьходивъ убо весь мир и хотя внити, отнюду же изыдет, и паки не доидет, нъ умретъ на желѣзни земли, а подъ костянымъ небомъ» [Летописец Еллинский и Римский, с. 91]. Итак, яйцо — образ земли, а змий — образ царя, царь обойдет весь мир, как змий обегал яйцо, своей силой покорит мир, но не вернется туда, откуда вышел, и умрет на «железной земле под костяным небом». В конце своих странствий Александр «обрѣтохомъ землю мѣдяну», и «убояся, мняше бо ту ся ему скончати по проречению Антифонтоу». В глубине медной земли слышались чьи-то голоса, но говорящих не было видно. Имея душу «крѣпльшу желѣза», Александр повелел исследовать землю: воины не нашли в ней железа — только медь. Александр приказал двигаться дальше. Средневековый автор, а вслед за ним и современный, добавляет, что копыта лошадей гремели по этой земле «аки гром мняшеса». Затем они увидели горы, доходящие до небес [Летописец Еллинский и Римский, с. 135].

Водолазкин проводит параллель: страх кончины, испытанный Александром, «мерцал из полумрака в глазах Устины» [Водолазкин 2014, с. 77]. Но пока и для Александра, и для Устины финал отодвигается.

В главке романа есть еще одно тревожное место: Арсений начинает читать «Александрию» слишком быстро, и Устина недоумевает, куда он так спешит. Годом ранее Арсений замечал, что Христофор после посещения монастыря и беседы с Никандром слишком торопливо ремонтирует их дом. Теперь торопится сам Арсений. Может быть, он ясно не понимает, почему спешит.

<sup>13</sup> Из-за бесплодия своей супруги Олимпиады царь Филипп намеревался расстаться с ней, Олимпиада прибегла к помощи волхва Нектонава, который под видом бога Аммона сошелся с Олимпиадой, и она зачала — так родился Александр.

Усиливая мотив изоляции Устины, автор упоминает, что Арсений завидовал Китоврасу, скрывающему свою жену в ухе<sup>14</sup>. Арсению начинало казаться, что «в вечернее время Александр интересовал ее (Устину. — А. Ш.) больше» его самого [Водолазкин 2014, с. 78]. Эгоцентризм завладевает героем. В беременности Устины он видит, прежде всего, то, что «это он прорастает сквозь Устину», что теперь он «присутствует в Устине постоянно» [Водолазкин 2014, с. 79]. Не сама по себе Устина, не сам по себе ребенок радуют Арсения, а то, что он, Арсений, прорастает в них. Нежность и любовь в нем, конечно, сильны, но в то же время он доволен тем, что «новое положение Устины делало ее еще более зависимой от него» [Водолазкин 2014, с. 79].

Устина между тем при всей любви к своему спасителю начала ощущать ненормальность изоляции: «Арсений, казавшийся ей всем миром, заменить целого мира все-таки не мог. Чувство оторванности от общей жизни рождало в Устине беспокойство» [Водолазкин 2014, с. 79].

Устине хотелось иметь женскую одежду (в доме Арсения таковой не было, и Устина ходила в одежде Арсения), но для этого надо было сходить в слободку и тем самым на полдня расстаться, а этого Арсений представить себе не мог и потому отмалчивался. Вскоре, однако, живот Устины начал увеличиваться, и Устина принялась перешивать одежду Арсения.

Арсения не могло не беспокоить то, что они не ходят в храм к Причастию. Не ходили же потому, что он опасался исповеди, ибо не знал, какое указание относительно Устины получит от священника. А Устине уже недостаточно было слов Арсения, что он любит ее больше жизни и считает своей женой: «Я хочу быть твоею, Арсение, перед Богом и людьми» [Водолазкин 2014, с. 81]. Арсений призывает ее потерпеть. Вместо храма они ежедневно ходили в лес. В прогулках Арсений не уставал просвещать Устину: «Рыжая девочка казалась Арсению глиной, из которой он лепил себе жену» [Водолазкин 2014, с. 83].

<sup>14</sup> К сожалению текст сказания о Соломоне и Китоврасе, содержащий этот мотив, оказался нам недоступен: ни в Памятниках старинной русской литературы 1862 г. [Соломон и Китоврас 1862], ни в исследовании А. Н. Веселовского [Веселовский], ни в современном издании [Суды Соломона] этого варианта нет. По свидетельству Я. С. Лурье, этот мотив читался только в версии Ефросина (в России, по-видимому, не опубликованной) [Истоки русской беллетристики, с. 331; Лурье 1988]. Однако, по характеристике Я. С. Лурье, жена Китовраса, несмотря на такую изоляцию, смогла указать своему любовнику колодцы, из которых пил Китоврас, и тот наполнил их вином, чтобы пленить опьяневшего Китовраса [Истоки русской беллетристики, с. 331]. Мотив сокрытия жены связан с неизбежностью женской измены: «... женщины нельзя уберечь» [Веселовский, с. 266]. Та же интенция известна и народной сказке [СУС, № 1426, с. 299–300].

Пора дать ремарку жанрового характера. *Герой жития жениться не может, а если и делает это по настоянию родителей, то тут же нарушает брак, покидая дом и не соединяясь с невестой как с женой. Арсений уже нарушил нормы житийного героя, живя с Устиной, но оформление брака завершило бы повествование в перспективе жития. «Лавр», однако, не только житие, но и роман. Поэтому повествование продолжается.*

Присутствие Устины при Арсении переставало быть тайной для жителей слободки, но, видя, что Арсений не хочет его обнаруживать, люди из уважения к врачу не спрашивали об этом. Арсения вполне устраивало, что никто не прикасался к «миру, где существовали только он и Устина» [Водолазкин 2014, с. 84]. Изоляция отъединяет их и от Бога, и от людей.

Пристраивая летний навес к дому, Арсений вспоминает недавнюю строительную работу с Христофром и задается вопросом не только о том, что сказал бы Христофор о его собственной работе, но и о том, что он сказал бы об Устине. Ответа нет. Но вопрос задан, то есть вопрос есть.

Любовь между молодыми была несомненная, она утончалась в общих занятиях: Арсений обучал Устину грамоте и числовым значениям букв. Они начинали понимать друг друга без слов. Первый свой текст Устина распознала по первой букве «Б»: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых...» Многие псалмы она знала наизусть со слуха.

И тем не менее идиллия начинает перемежаться иными настроениями. «Окутавший Белозерье мрак наводил на Устину тоску. Она видела, что природа умирает, и ничего не могла с этим поделать. Глядя, как облетают с деревьев листья, Устина также роняла слезы» [Водолазкин 2014, с. 88].

Устине нужна поддержка, которая уходила бы в веру, в традицию: «Арсений, я хочу перед родами причаститься, мне страшно рожать без причастия» [Водолазкин 2014, с. 91]. Но у Арсения свой план, по видимости, разумный: причастимся после родов, «когда будет ребенок — и объяснять никому ничего не нужно, он все оправдает, это как жизнь с чистого листа, понимаешь?» [Водолазкин 2014, с. 91]. Устина соглашалась, но страх не оставлял ее. Она часто плачет, стараясь скрыть слезы, но Арсений, конечно, замечает их.

Арсений продолжает читать Устине «Александрю». В романе близко к тексту воспроизведены фрагменты средневекового повествования, и их выбор, конечно, не случаен. В предшествующем чтении Александр набрел на медную землю и вспомнил о предсказании Антифонта. Но отсутствие железа отодвинуло смертное предсказание, только напомнив о нем. В этот раз ситуация иная.

«И случилось Александру прийти в болотистые края. И заболел Александр, но не находилось в тех болотах даже места, чтобы лечь. С чужих ему небес пошел снег. Повелел же Александр воинам, сняв с себя доспехи, складывать их друг на друга. Так сложили они в топком месте для него постель. Он лежал на ней, изнемогая, а от снега его накрыли щитами. И понял вдруг Александр, что лежит на железной земле под костяным небом...» [Водолазкин 2014, с. 91–92]<sup>15</sup>.

Устина остановила чтение: «Перестань. Устина тяжело перевернулась на другой бок и теперь лежала спиной к Арсению. Сегодня у нас тоже выпал снег, зачем ты мне все это читаешь...» [Водолазкин 2014, с. 91–92].

Автор не позволил Арсению продолжить чтение «Александрии», ибо за «костяным небом» следует эпизод, слишком явно предвещающий будущую трагедию<sup>16</sup>. Александр пришел в Вавилон, где некая женщина родила «дѣтище»: верхняя часть до пупа — человек, и эта часть мертвая, а нижняя часть — звериная, живая<sup>17</sup>. Ребенок Устины не будет иметь звериной части, он весь будет мертвым. В «Александрии» же мертвая верхняя часть знаменовала смерть самого Александра — властителя мира.

Устина просит Арсения найти повивальную бабку, Арсений же считает, что он сам примет роды: Христофор ему и на словах объяснял, и грамоту на этот счет составил. Устина, тем не менее, настаивает. Кроме прочего, она не хочет, чтобы Арсений видел ее в такой момент. «Арсений не спорил. Но никого и не искал» [Водолазкин 2014, с. 92]<sup>18</sup>.

Рубежные моменты повествования автор отмечает точными датами: «27 ноября в час сумерек у Устины отошли воды». От недавней самоуверен-

<sup>15</sup> Древнерусский текст: «Идушу же ему съ всѣми вои, ключися ему стати на блатѣ водянѣ. И начя Александрѣ тужити собою, и нелзѣ ему баше леци, водяне суци земли тѣи, скръбящи же дружинѣ о томѣ. И идяше бо снѣгѣ. И повелѣ имѣ Александрѣ броня съвладити съ себе и класти на одино мѣсто, и възлезь сам, леже на них изнемогая, снѣга же дѣля покровень бысть щитом. Да ту бы ся скончяло проречение Антифонтново, еже рече, яко умрети ему есть под костяным небом, а на железнѣи земли» [Летописец Еллинский и Римский, с. 173]. Сходный текст см.: [Хронограф западнорусской редакции, с. 31].

<sup>16</sup> Тема «Александрии» появляется в основном в трагических ситуациях, например, в случае гибели двух моряков, тянущих во время шторма канат через палубу: своими надвинутыми капюшонами они напоминают «удивительных существ из Александрии», канаты «тянулись за ними, как хвосты» [Водолазкин 2014, с. 338] — оба были смыты за борт.

<sup>17</sup> В Летописце Еллинском и Римском этот фрагмент изложен пространно и тяжеловато [Летописец Еллинский и Римский, с. 173–174], в Хронографе западнорусской редакции лаконичнее и яснее [Хронограф западнорусской редакции, с. 31].

<sup>18</sup> По замечанию исследователя, «Арсений, зная желания возлюбленной, не идет им навстречу. По сути он этого не понимает — говорит, а не разговаривает; слышит просьбы, но не реагирует на них» [Скотница, с. 197].

ности Арсения-акушера ничего не остается, теперь уже он плачет, Устине приходится его ободрять. Однако, когда начались схватки, Устине уже было не до того. С ней начались метаморфозы: «За привычными чертами проступили какие-то иные. Они были некрасивыми... И прежней Устины уже не было» [Водолазкин 2014, с. 93].

Только теперь Арсений начинает понимать, что может потерять Устину. Эта мысль обрушила его. Смехотворной становится прежняя боязнь представить Устину жителям слободки, он готов бежать за повитухой, но Устина останавливает его: «Теперь уже поздно...» [Водолазкин 2014, с. 93].

Устина сообщает, что со вчерашнего дня не слышит своего ребенка, он не шевелится. Ладонью лекаря-целителя Арсений провел по животу Устины и убедился, что сынок мертв. Пустыми словами он попробовал успокоить Устину, но обмануть ее было нельзя. «Среди ночи Устина приподнялась: мальчик умер, так почему же ты молчишь, ты молчишь уже несколько часов» [Водолазкин 2014, с. 94]. Арсений заметался и, должно быть, молча, как они научились, отвечал: «Как же я могу молчать? Но и говорить тоже не могу» [Водолазкин 2014, с. 94].

Арсений мечется, ища способ помочь Устине, но все его усилия и лекарские приемы оказываются тщетными. А в Устине в это время росла и разрасталась безмерная боль: «...боль всех окрестных хуторов собралась в одной точке и вошла в ее тело. Потому что ее, Устины, грехи превышали собой грехи всей той округи, и за это надо же было когда-нибудь ответить. И Устина закричала. И этот крик был рычанием» [Водолазкин 2014, с. 95].

Мы, читатели, не знаем, какие грехи совершила Устина. Осталась живой, когда все жители ее деревни вымерли? Но это скорее вышняя забота о ней. Грешна в том, что ответила на вспыхнувшую любовь Арсения? Но как ей не быть благодарной человеку, который, в отличие от прочих людей, принял ее, омыл, одел, накормил! И в ней самой возникло любовное чувство к юноше, не только материально заботящегося о ней, но и не умеющего скрыть растущее любовное чувство. Их взаимная любовь естественна и невинна. В какой-то мере она повинна в том, что они отгородились от всего мира, замкнулись друг в друге. Но она первая ощутила неестественность этой ситуации, пыталась ее преодолеть, однако ее спаситель и уже любимый не поддерживал ее в этом. Не ходила в храм, не причащалась? Но она хотела этого, Арсений же противился ее воле. А без него, по условиям жизни, она не могла пойти в храм.

С церковной точки зрения, она, конечно, грешна в том, что стала женой и готовилась стать матерью, не испросив благословения Бога. Но мы помним, что она хотела этого: «Я хочу быть твоею, Арсение, перед Богом

и людьми» [Водолазкин 2014, с. 81]. Арсений не поддержал ее, а она в ее положении вряд ли могла настаивать.

Автор не представил читателю грехи Устины, за которые она теперь так тяжело рассчитывается. Ответ можно увидеть лишь в том, что Устина в минуты, когда боль отпускала её, «благодарила Бога за то, что ей дано мучиться за себя и за Арсения, так велика была ее любовь к нему» [Водолазкин 2014, с. 95]. Грех же Арсения, как мы видели выше, в том, что он слишком эгоцентричен, стремится полагаться не на Бога, а на себя. Много позже, в Иерусалиме, у Гроба Господня, Арсений признает, что был уловлен сетями князя мира сего [Водолазкин 2014, с. 362]. Теперь Устина готова нести и его грехи, ее мучения — плата за грехи обоих.

Пропустим страшные картины схваток Устины, извлечения мертвого ребенка не очень умелыми акушерскими действиями Арсения<sup>19</sup>. Для Арсения невыносимо осознавать, что его любимая покидает его, уходит из жизни. Он кричит, пытаясь остановить её, кричит так сильно, что его крик опять слышит старец Никандр в своей келье в монастыре. И старец, не покидая кельи, отвечает Арсению: «Боюсь, что кричать уже бесполезно (...) а потому буду молиться о сохранении твоей жизни, Арсение. Ни о чем другом не буду молиться в ближайшие дни...» [Водолазкин 2014, с. 97].

Покидая этот мир, Устина открыла глаза: «...жаль, Арсение, что я ухожу в этом мраке и смраде» [Водолазкин 2014, с. 97].

Арсений лежит на полу рядом с телом Устины, он видит сны. Устина и Христофор ведут его маленького по лесу. Два самых близких ему человека соединились, а он превратился в невинное дитя. Но тут же он видит Устину в *красной рубашке*, той рубашке, в которую он облачил Устину после купания и в которой она проходила всё время их общей жизни. Но теперь Устина говорит, что она в *надлежащее время* передаст эту красную рубашку ему, только для этого он должен сменить имя: «нарекись Устином» — велит она Арсению<sup>20</sup>. Так их единство протягивается с того света на этот и обратно.

От невозможности принять смерть Устины Арсений заставляет себя спать всё крепче; по замечанию автора, он «напитал себя сном до бесчувствия» [Водолазкин 2014, с. 99]. Душа, покинувшая тело Арсения, обеспокоена тем, что не видит душу Устины. Ее душа была мало заметна, потому что прозрачна и уже находилась во власти Смерти. Душа Арсения устремилась

<sup>19</sup> В Житии Кирилла Белозерского в сходной ситуации проблема разрешается с помощью святой воды: князь Михаил вовремя вспомнил об остатках этой воды, бывшей у него, ею помазали живот супруги, даже показалось, что плод ожил на короткое время, чтобы только выйти из утробы, и супруга князя сохранила жизнь [Житие Кирилла Белозерского, с. 210].

<sup>20</sup> Ксения Петербургская по смерти мужа приняла его имя — Андрея Федоровича Попова.

к ней, но Смерть остановила её. Душа Арсения заплакала: «мы с ней срослись». Смерть велела привыкать к разлуке, но оставила надежду: разлука — временная. Однако остается сомнение: узнают ли они друг друга в вечности? Ответ Смерти намечает программу предстоящей жизни Арсения: «Это во многом зависит от тебя, сказала Смерть: в ходе жизни души нередко черствеют, и тогда они мало кого узнают после смерти. Если же любовь твоя, Арсение, неложна и не сотрется с течением времени, то почему же, спрашивается, вам не узнать друг друга там, идеже несть болезнь, ни печаль, ни вздыхание, но жизнь бесконечная» [Водолазкин 2014, с. 99–100].

Смерть увела душу Устины, которую автор сравнивает с ребенком, которого родители вынуждены на время оставить у чужих людей: уходя, ребенок оглядывается с глазами, полными слез. Такого рода художественные наблюдения, сопоставления имеют, конечно, романную, а не агиографическую природу<sup>21</sup>.

Отметим, что в этот момент ни у героя, ни у автора не возникает недоумения, почему за душой Устины пришли не ангелы, а Смерть. Позже, когда проснувшийся Арсений, читая Псалтырь над телом Устины, упомянул об ангелах, иже, по слову Господа, сохраняют Устину «во всех путях ее», он тут же вспомнил: «Тогда с ней была Смерть, не ангелы» [Водолазкин 2014, с. 101]. Предположение Арсения, что ангелы все же «возьмут» Устину, автор называет «робким» [Водолазкин 2014, с. 101].

Продолжая читать последование об усопших, Арсений заметил, что в Устине появилось некое движение: «лицо Устины дрогнуло» [Водолазкин 2014, с. 101], в то же время изменение «не соответствовало живой мимике» [Водолазкин 2014, с. 102]. Арсений фиксирует пограничное состояние: «Устина была если не совсем живой, то и как бы не вполне мертвой» [Водолазкин 2014, с. 102]. По народным представлениям, не изжившие своего срока, отошедшие без исповеди, без правильного похоронного обряда не умирают окончательно, остаются в некоей промежуточной сфере «*между*» *тем* и *этим* мирами. Таких покойников опасаются, полагая, что они могут вредить живым [Зеленин, с. 39–73].

До сих пор Арсений читал над Устиной Писание, но, прочитав Псалтырь в третий раз, он пришел в недоумение — что еще следует почитать? Арсений опять улавливал некое движение в Устине, но зафиксировать его повторе-

---

<sup>21</sup> В житии блаженной Феодоры, инкорпорированном в Житии Василия Нового, дан, видимо, традиционный агиографический «портрет» Смерти: «И вот пришла смерть, рыкая как лев; вид ее был очень страшен, она имела некоторое подобие человека, но тела совсем не имела и была составлена из одних только обнаженных костей человеческих. С собою она несла различные орудия мучений: мечи, стрелы, копья, косы, серпы, железные рога, пилы, секиры, тесла и иные орудия неизвестные» [Житие Василия Нового].

ние не удавалось. Арсений видел, что Устина пребывает в «зыбком положении между жизнью и смертью». И тогда он вспомнил, «что при жизни она любила слушать *Александрию*, и начал читать *Александрию*». Утром он стал читать над ней Откровения Авраама, Сказание об Индийском царстве и рассказы о Соломоне и Китоврасе [Водолазкин 2014, с. 103]. Наверное, с канонической точки это непозволительная мена текстов, но и Устина, по чувству Арсения, не вполне умерла. Любимыми текстами он пытается стать на сторону сил жизни. Хотя он помнит, как душу Устины увела Смерть.

Когда надежда на оживление Устины угасла, Арсением овладела идея сохранения ее тела. Эта идея основывалась на том, что в недалеком будущем, а именно в 7000 году от Сотворения мира, до которого оставалось 36 лет, наступит конец этого света и что тогда тела могут потребоваться<sup>22</sup>. Арсений надеялся, что способ сохранения тела отыщется, пока же надо прекратить топить в доме, чтобы остановить разложение.

В последующие дни Арсений просто сидел на полу и смотрел на тело Устины, ему не надо было ни пить, ни есть, он «погружался в успокоение. Чувство покоя охватывало его все глубже и полнее. И откуда-то из самых недр покоя, как робкий подснежный цветок, прорастала надежда на скорую встречу с Устиной» [Водолазкин 2014, с. 106].

Но *так* соединиться с Устиной ему не позволили жители Рукиной слободки, в конце концов они вышибли дверь и начали делать должное, то есть хоронить умерших. Устину нельзя было хоронить на общем кладбище: она умерла без покаяния. Автор дает специальный экскурс, описывающий и объясняющий категорию покойников, не изживших своего срока: их тела складывали в особые ямы — скудельницы, или божедомки, — и заваливали, закладывая ветками, сучьями. Таких мертвецов называли «заложенными» или «заложными» [Зеленин, с. 41, 63, 64 и др.]. Подобная участь ждала тела Устины и мертворожденного сына Арсения.

Арсений, впад в какое-то измененное состояние — люди ощущали, что «сила его как будто превыше человеческой» [Водолазкин 2014, с. 110], — препятствовал увозу Устины и сына, но явившийся Никандр отнял у Арсения нож и подчинил его своей воле.

Никандр внушает Арсению важные мысли. Во-первых, он объясняет, что Смерть вовсе не владеет Устиной, она лишь доставит ее Тому, Кто будет вершить суд; поэтому, если он, Арсений, предаст себя смерти, то это во-

---

<sup>22</sup> Любимый герой Арсения, Александр, вопрошал: «„Како согнившему телу и распадшуся костем, в то же ли бытие паки прииде?“ Но помышляя паки, рече: „Бог великий неизреченным промыслом состави вся от небытия в бытие, может мертвыя оживляти и в то же привести бытие“» [Александрия БЛДР, с. 63].

все не обеспечит его соединения с Устиной. Но главное, говорит Никандр: «...именно сейчас в твоей жизни открылся величайший смысл, какого не было прежде» [Водолазкин 2014, с. 112]. Что же это за смысл? Никандр не облегчает положения Арсения: он прямо винит его в телесной гибели Устины, а также и в том, что «может погибнуть ее душа». Отметим, Никандр не говорит, что ее душа уже загублена, гибель *только возможна*. Никандр отступает от канонической позиции, полагающей, что после смерти душу спасти поздно. Он говорит, что Устина сейчас там, где «нет *уже*. И *еще* нет. И нет времени, а есть бесконечная милость Божия, на ню же уповаем». Сложность в том, что душа, покинув тело, становится беспомощной. На какие-либо действия душа способна, лишь находясь в теле. Арсений должен отдать Устине свою земную жизнь, в сущности, *стать телом ее души*. Арсений сомневается: «Разве у меня есть возможность жить вместо нее?» [Водолазкин 2014, с. 112]. Никандр отвечает утвердительно: «В серьезно понятом смысле — да. Любовь сделала вас с Устиной единым целым, а значит, часть Устины все еще здесь. Это — ты» [Водолазкин 2014, с. 113]. Концепция Никандра, не просто соединяющего, а сращивающего сущности Арсения и Устины *любвным чувством, далеко выходит за рамки агиографии* в область романного, но *романное тем самым «агиографируется»*.

Перед прощанием старец вслух задается вопросом: «Христофор советовал тебе идти в монастырь. Я спрашиваю себя, почему ты его не послушался, и не нахожу ответа...». Но ответ есть, и это совместный ответ Никандра и, как мы полагаем, автора: «У тебя трудный путь, ведь история твоей любви только начинается. Теперь, Арсение, все будет зависеть от силы твоей любви. И, конечно же, от силы твоей молитвы» [Водолазкин 2014, с. 113]. *Так роман, преодолевший житие, сам стремится стать житием, но уже житием какого-то нового типа — романного (?)*.

Если бы Арсений сразу пошел в монастырь, он мог бы пройти путь, ведущий к святости: аскетизм, борьба с бесами, отдание себя служению братии и тем, кто обращается за помощью, пребывание в непрерывной горячей молитве к Богу. Обязательным на этом пути был бы отказ от земной любви к женщине. Таков, например, путь Авраамия Затворника, Алексия человека Божия, Варлаама из Жития Феодосия Печерского. Арсений же сразу, как только обрел самостоятельность, был «уловлен» земной любовью, он захотел в ней раствориться, отгородиться от мира и даже, хотя бы и на время, от Бога. Лишившись возлюбленной, ощутил, что лишился всего, и готов был отправиться вслед за ней. Никандр указал ему, что история его любви (а не всей ли жизни?) только начинается. Но теперь это должна быть какая-то иная любовь. Какая? Это герой и должен был начать постигать.

Варлаам (Василий) Керетский плавал по северным морям с трупом своей жены [Дмитриев; Житие Варлаама Керетского], Арсений также берет с собой в путь Устину, но не тело — дух ее пребывает с ним.

\* \* \*

Хотя первая часть романа называется «Книгой познания», к познанию герой явно не пришел. Он пришел к кризису, из которого должен искать выход. Новый путь познания тавтологически начинается с пути буквального: герой покидает свой дом у кладбища, покидает Рукину слободку и, забросив холщовый мешок за спину, выходит в мир<sup>23</sup>. Тем самым он прорывает свою изолированность. Вероятно, здесь же завершается и юность Арсения: в мир выходит муж.

Окрестный мир между тем охвачен очередным мором. В некоторые селения нельзя было войти — подступы закладывались бревнами. Отсутствие заграждения означало, что уже некому его воздвигать. Таким было село Великое. Арсений, ощутив витавшее неблагополучие, вдруг обратился к Устине: «Здесь пахнет бедой, сказал Арсений Устине. В этой деревне требуется наша помощь» [Водолазкин 2014, с. 120]. Арсению представляется естественным обращение обычными словами к умершей, он не отделяет Устину от себя, их «мы» сохраняется: «требуется наша помощь». Отсутствие ответа немного смутило Арсения, в молчании Устины он ощутил «сомнение»: не ищет ли он смерти? Но герой уже решительно переменялся: «Верь мне, любовь моя, я не ищу смерти, сказал Арсений. Как раз напротив: моя жизнь — это наша с тобой надежда» [Водолазкин 2014, с. 120]. Мысли, внушенные Никандром, проросли в Арсении, и он уже сам формулирует программу общей с Устиной жизни.

Изменения, происшедшие во внутреннем состоянии героя, отразились и в его внешности: «Мое лицо стало другим, сказал он Устине. Эти изменения трудно определить, но они, любовь моя, очевидны» [Водолазкин 2014, с. 121]. Так Арсений привыкает по-новому общаться с Устиной<sup>24</sup>.

Можно, вероятно, счесть такое общение односторонним: говорит только Арсений, — но он исходит из того, что любимая слышит его. Арсений

<sup>23</sup> Не так ли отправляется на поиски своей суженой Иван-царевич, нетерпеливо спаливший ее лягушачью шкуру? «Вот, делать нечего, пошел искать, взял железные сапоги и три железные просвиры» [Афанасьев, т. 2, № 268].

<sup>24</sup> Опыт общения с умершими уже был у него: подростком он просил пукнуть лежащего в могиле Елеазара [Водолазкин 2014, с. 45]; по смерти Христофора он каждый день беседовал с умершим, посвящая его в круг своих забот [Там же, с. 65]. Те, к кому он обращался, не отвечали, но Арсения это не останавливало.

не исключает ее из своей деятельности, даже из своего видения: сквозь лицо умирающего кузнеца Егора для Арсения проступает внешность Устины, и нужно усилие, чтобы вновь разглядеть кузнеца [Водолазкин 2014, с. 122]. Их единство сохраняется — по крайней мере, в сознании Арсения. Он обращается к Устине, когда удивлен сам: некая женщина, караулившая Арсения у края очередной деревни, назвала его по имени: «Откуда она меня знает, спросил Арсений Устину, но Устина промолчала» [Водолазкин 2014, с. 127]<sup>25</sup>. Вскоре он начинает делиться с ней предположениями, общими соображениями. Появляются ремарки, поясняющие, как именно Арсений обращается к Устине: «*Отвернувшись в сторону*, он сказал Устине: Посмотрю, любовь моя, что я смогу сделать для этих людей» [Водолазкин 2014, с. 130; курсив наш. — А. Ш.] — так комментирует он приглашение к белозерскому князю. Заметим, что в этой реплике речь уже идет не о «нашей помощи», Арсений выставляет себя одного: «что я смогу сделать для этих людей», — Устина только свидетель.

Борясь с чумой, Арсений обретает помощника: ангел отгоняет моровое поветрие от уст «врача». Обходя дом за домом, Арсений и сам начинает себя вести подобно ангелу<sup>26</sup>: «Если больного ждало выздоровление, Арсений улыбался и целовал его в лоб. Если же ему суждена была смерть, Арсений беззвучно плакал». Когда жизнь и смерть оказывались в равновесии, Арсений, держа человека за руку, «передавал ему свои жизненные силы» и отпускал только тогда, когда «чувствовал, что борьба жизни и смерти решается в пользу жизни» [Водолазкин 2014, с. 124]. Неутомимые ангелы вразумляют Арсения, как можно не устать: надо просто не думать о конечности своих сил.

В Арсени обнаруживается сверхзнание: когда женщина, караулившая его на краю деревни, вела его в свой дом, Арсений вдруг резко остановил ее: «Ты же знаешь, что внук твой умер, так зачем же ты меня к нему ведешь...» [Водолазкин 2014, с. 127]. Автор не поясняет, читает ли Арсений мысли этой женщины, провидит ли, что в действительности произошло в ее доме, он — *знает*<sup>27</sup>. Это свойство, видимо врожденное (отроком он *знал*, что хочет волк, *видел* смерть в удаляющейся фигуре отца), проявляется только в некоторые моменты.

<sup>25</sup> Когда его назвала по имени жена белозерского князя, Арсений, удивившись сам, Устине уже о своем удивлении не сообщает [Водолазкин 2014, с. 132–133].

<sup>26</sup> Хотя «скотского», по его собственному слову, в нем не убывало: обрабатывая пах молодой женщины, он испытывает мужское волнение [Водолазкин 2014, с. 123].

<sup>27</sup> Такого рода «знание» свойственно и иным святым, особенно юродивым: блаженный Прокопий Устюжский мог «водрузиться мысленными очима в чувства слышащим и видимым человеком» [Власов, с. 18].

После избавления от смерти жены и дочери белозерского князя Арсений волею последнего был оставлен в городе. Это предопределило его встречу с Сильвестром и Ксенией, встреча стала серьезным испытанием на пути Арсения. Вслед за матерью Арсению пришлось отнимать у смерти и ее сына. В один из моментов борьбы за жизнь Сильвестра Арсений плакал не только от того, что терял веру в возможность спасения мальчика, но и «от собственного одиночества, которое сейчас обожгло его неожиданно остро» [Водолазкин 2014, с. 142]. Мальчика Арсений с Божьей помощью отстоял у смерти, а вскоре он обнаружил, что встречи с выздоровевшей Ксенией стали для него желанными. Теперь Арсений вечерами, как прежде Устине, читал грамоты Христофора Ксении и Сильвестру. Появляется, конечно, и любимый герой Арсения: «Александр, видев некоего тезоименита, страшлива суща, рече: уноше, или имя, или нрав измени» [Водолазкин 2014, с. 150]<sup>28</sup>. Правда, сюжетно эта шутка Александра не причастна судьбам героев романа.

Конечно, Арсений не праздно жил в Белозерске. Изучая с помощью Афанасия Блохи немецкий лечебник, он совершенствовал свои врачебные знания, однако предположение, что «лекарства имеют второстепенное значение», не покидало его. «Главная роль принадлежит лекарю и его врачующей силе» [Водолазкин 2014, с. 150] — эта мысль становилось убеждением Арсения. Христофор в такого рода размышлениях всегда полагался на Бога.

Арсений осознал, что его тяга к Ксении становится сильнее его самого: «Мне не нужно здесь бывать, Ксение» [Водолазкин 2014, с. 153]. Ксения предложила ему братские, «совершенные», отношения, но Арсений знает свои пределы: «Я не могу с тобой жить по любви совершенной, потому что слаб» [Водолазкин 2014, с. 153]. В отчаянии у Ксении вырывается упрек: «...знай, Арсение, что во имя мертвых ты губишь живых». В ответе звучит убеждение, которым движим герой (и которое движет повествование): «Все дело в том, закричал Арсений, что и Устина жива, и дитя живо, и жаждут быть отмолены. Кто отмолит их, если не я, согрешивший?» [Водолазкин 2014, с. 154]. *Герой романа и герой жития пришли в Арсению к конфликту; второй одолевает первого.*

Арсений отдает отчет в том, что уже несколько месяцев он не говорил с Устиной, и ему понятна причина его молчания. Теперь он готов вернуться к ней, ибо знает, что Устина «жива, только по-другому» [Водолазкин 2014, с. 155]. Не откладывая, Арсений покидает Белозерск, надеясь на помощь

<sup>28</sup> Древнерусский текст: «Другий же нѣкто велможа у Александра бѣ, емуже имя Александръ, страшлив же сий бяше велми, и всякого боящесе и из бою утекаше. Александръ же к нему рече: „Человѣче, любо имя измени или нравъ; и мое имя тобою срамотно есть“» [Александрия БЛДР, с. 136]. Ср.: [Летописец Еллинский и Римский, с. 176].

ангела в преодолении городских ворот (без позволения князя его не выпустили бы из города). «Ангел» вывел Арсения за ворота и вскоре грязно выругался, Арсений догадался, что его спутник не ангел. Несобственно-прямая речь констатирует смысл его бегства из Белозерска: «В Белозерске ему было хорошо, и именно поэтому он из него бежал. Этот город отдалял его от Устины» [Водолазкин 2014, с. 160]. Завершением авантюрного сюжета покидания Белозерска был удар дубиной по голове, нанесенный разбойником Жилой, которого нечаянно заметил Арсений. С этого удара и начинается новый этап в *пути* Арсения.

Обретя сознание, Арсений нашел себя лежащим на теле разбойника, выведшего его из Белозерска<sup>29</sup>. Тело было холодным. Арсений вновь заговорил с Устиной: «А я тепл, сказал Арсений Устине. Я, который виноват в его смерти, тепл и жив. Сейчас я спасен ради одной лишь тебя, но он, как и ты, на моей совести. Я погубил его произнесенным словом. Если бы я не сказал ему, что готов, он не лежал бы здесь таким холодным». Арсений отказывается от речи: «Не хочу отныне говорить ни с кем, кроме тебя, любовь моя» [Водолазкин 2014, с. 162].

Сознание Арсения теряет устойчивость, часто пропадает<sup>30</sup>. После того как ему удалось привязать к седлу и отправить в Белозерск тело убитого Жилой напарника, он впал в забытие. Ощувив, что его везут в телеге, очнулся уже в каком-то дровяном сарае полностью раздетый. Тряпье, лежащее рядом, было омерзительно нечистым. Но именно эта одежда привела к важной трансформации сознания героя. Облачившись в тряпье, Арсений «испугался, что отныне он будет гнушаться своего собственного тела, и заплакал. Когда же Арсения озарило, что отныне будет гнушаться своего собственного тела, засмеялся. Из сарая Арсений вышел в приподнятом настроении. Сделав несколько шагов в своей новой одежде, сказал Устине: Знаешь, любовь моя, со времени моего приезда в Белозерск это по сути первые шаги в правильном направлении» [Водолазкин 2014, с. 166]. Так начинается преодоление тела.

<sup>29</sup> Здесь уместно вспомнить про шубу, подаренную Арсению белозерским князем: шубу отнял у него разбойник, на трупе которого в сей момент оказался Арсений, а шуба перешла в собственность разбойника Жилы. Нечто сходное происходило и с шубой Василия Блаженного, подаренную ему князем: шубу решили отнять обманом у Василия некие люди, один из которых прикинулся для этого мертвым; Василий, прозревая обман и вступая в игру, «рече тому притворному мертвецу: „Буди ты, человекче отсель поистиннь мертв...“ [Житие Василия Блаженного, с. 127]. Шубу Василий отдал, но по слову блаженного мошенник действительно умер. В том и другом случае шуба связана с мертвецом.

<sup>30</sup> Это выражено автором и графически: на страницах [Водолазкин 2014, с. 163–172] семь раз вместо текста стоят отточия, пропуски, демонстрирующие потерю памяти героем.

Оказавшись в тепле, одежда Арсения ожила: она кишела вшами. Отчасти из-за этого Арсений не сумел остаться в доме Евдокии, готовой его приютить. Он шагнул в зиму, в холод: «Он и сам не понимал, зачем вышел из тепла. Ему было лишь ясно, что путь его ждал трудный — если вообще преодолимый. И он не знал, куда этот путь лежит» [Водолазкин 2014, с. 168].

Когда тело стало замерзать на холоде, он освободился от жалости к нему<sup>31</sup>. «Это было уже не его тело. Оно принадлежало вшам, тому, кто носил прежде его одежду, наконец, морозу. Но не ему» [Водолазкин 2014, с. 168]. Арсению, кажется, удалось отрешиться от своего тела<sup>32</sup>, оно нашло какие-то независимые силы и двигалось навстречу рассвету. Однако рухнуло.

В следующий момент обретения сознания Арсений, обнаруживая провалы в своей памяти, молит Господа не отнимать память, ибо, лишившись памяти, он не сможет спасти Устину.

Другой просвет в сознании — корова. Арсений мало отличается от коровы, слизывающей гной с его головы. Он различает пальцы, доящие вымя, но не помнит лица хозяйки, хотя корочку хлеба и кружку воды иногда находил возле себя. Чтобы превозмочь крайнее истребление человеческого в своем герое, автор, показывая, как Арсений припадает к коровьему вымени, вспоминает известный каламбур: «что в вымени тебе моем» [Водолазкин 2014, с. 170]. После этого уже легче представить Арсения, утирающего сеном брызги от испражнений коровы.

В голове Арсения завелся «червь», вызывающий непереносимые боли. Действительность становится дискретной. Неизвестно как Арсений оказывается в сарае, заполненном призрачным сельским инвентарем; коровы уже не было. Следуя крепнущей парадоксальности, автор выстраивает и дискурс героя: «Интересно, что время идет, а я лежу на тележном колесе, не думая нимало о сверхзадаче своего существования» [Водолазкин 2014, с. 172]. Когда Арсений вышел наружу, дома в селении печными дымами прикреплялись к небу, те, у которых дымы были покорооче, покачивались. Поврежденная голова Арсения осмысливает наблюдаемое: «Связь неба с землей не так проста, как, видимо, привыкли считать в этой деревне. Подобный взгляд на вещи мне кажется излишне механистическим» [Водолазкин 2014, с. 173]. Вдобавок вместо древесной коры, добытой в качестве обуви в дровяном сарае, ноги Арсения оказались в неизвестно откуда появившихся исправных

<sup>31</sup> Ср.: Василий Блаженный «нагъ и бось хождаше въ зимѣ и въ лѣтъ... зимою от мрза померзаемъ, въ лѣто же от зноя опалемъ» [Житие Василия Блаженного, с. 124].

<sup>32</sup> Ср.: «Блаженный же Прокопий, яко в чюжем своем телеси, вся та досаждения со благодарением приимаа и терпяше...» [Власов, с. 17].

лаптях, мешок с грамотами Христофора был за плечами (теперь внук носит деда). Не иначе, как невидимые небесные силы позаботились о нем.

Арсений (на взгляд автора, это был уже *иной* Арсений) передвигался по деревням, обходясь в общении с людьми только именем, завещанном ему Устиной. Он пришел к выводу, «что жизнь без слов возможна» [Водолазкин 2014, с. 173]. Чуждое тело, в котором он передвигался, привыкло к морозам<sup>33</sup>, так что даже зипун, подаренный в одном из сел, оказался не нужен. Он поделился с Устиной соображениями, как много ненужного имущества и привязанностей тянут человека вниз и мешают последовать за вознесшимся Спасителем. Но когда Арсений-Устин увидел свое лицо в весенней луже, он заплакал, ибо прошлого все же оказалось жаль. *«Житийное» не вовсе преодолело «романное» в герое повествования.*

\* \* \*

Автор не стал выделять отдельной главкой начало псковского периода в жизни героя (в непрерывном повествовании Арсений-Устин из деревень приходит в город Псков), но в действительности это, конечно, особый этап. В Псков пришел юродивый, обходящийся без слов. И людям это сразу видно: «Не проси у него денег, сказали паромщику, ибо перед тобой человек Божий, разве ты не видишь?» [Водолазкин 2014, с. 176].

Красота куполов храмов, открывшаяся с середины реки Великой, явила Арсению удивительный контраст с собственным обликом, о чем он и поспешил сообщить Устине, демонстрируя образец диалектического мышления: «с одной стороны реки — я, погрязший в стружьях и вшах, а с другой — эта красота. И своим убожеством я рад подчеркнуть ее величие, ведь подобным образом я как бы участвую в ее творении» [Водолазкин 2014, с. 176]. На ночлег Арсений-Устин устроился в привычном для себя месте — на кладбище<sup>34</sup>.

Подлинность юродства Арсения была засвидетельствована местным юродивым: «Ага, вскричал Фома, вижу, что ты есть самый настоящий юродивый. Настоящий. У меня, будь покоен, нюх на сей счет первоклассный» [Водолазкин 2014, с. 178].

Фома формулирует важные смыслы, — важные для Арсения и для всего повествования. Фоме, как прежде Никандру, а в будущем Иннокентию, доступны сверхзнание и сверхвозможности. Он слышит мысли Арсения,

<sup>33</sup> Кирилл Белозерский «въ зимное время наготу вмѣняше теплоту» [Житие Кирилла Белозерского, с. 142].

<sup>34</sup> Топосу кладбища в прозе Е. Г. Водолазкина посвящена статья: [Каманы, с. 121–133].

знает его имя, знает даже про Устину. Но главное, он яснее самого Арсения понимает, что тому нужно. Так, благословляя Арсения на юродство, он говорит: «...юродствуй, дорогой мой, не стесняйся, иначе своим почитанием они тебя в конце концов достанут. Их поклонение с целями твоими несовместимо. Вспомни, как было в Белозерске. Оно тебе надо?» [Водолазкин 2014, с. 179]. Дело не только в том, что Фома откуда-то знает о почитании Арсения в Белозерске, ему ясно, что оно несовместимо с подлинными целями самого Арсения. Он велит Арсению вернуться на территорию монастыря Иоанна Предтечи (на кладбище которого Арсений заночевал), ибо, по его мнению, Устина могла быть в этом монастыре, но не дошла. «Зато дошел ты». Исходя из понимания нераздельности Арсения и Устины, Фома велит: «Молись — о ней и о себе. Будь ею и собой одновременно. Бесчинствуй. Быть благочестивым легко и приятно, ты же будь ненавидим» [Водолазкин 2014, с. 179]. Фома озвучивает сокровенное знание-чувствование самого Арсения. Фома настолько прозорлив, что знает слова, которые будут произнесены несколько веков спустя: «Не давай псковским спать: они ленивы и нелюбопытны<sup>35</sup>. Аминь» [Водолазкин 2014, с. 179–180].

Заключительные слова и действия этой первой встречи Арсения и Фомы важны, приведем их целиком:

«Фома размахнулся и ударил Арсения по лицу. Арсений молча смотрел на него, чувствуя, как по подбородку и шее стекает из носа кровь. Фома обнял Арсения, и лицо его тоже стало кровавым. Фома сказал:

Отдавая себя Устине, ты, я знаю, изнуряешь свое тело, но отказ от тела — это еще не все. Как раз это, друг мой, и может привести к гордыне.

Что же я могу еще сделать, подумал Арсений.

Сделай больше, прошептал ему в самое ухо Фома. Откажись от своей личности. Ты уже сделал первый шаг, назвавшись Устином. А теперь откажись от себя совершенно» [Водолазкин 2014, с. 180].

Изнурение, отказ от тела опасны тем, что могут привести к гордыне (ее неявное присутствие мы фиксировали в поведении Арсения и в отроческом возрасте, и в период общения с Устиной). Правильный путь, по Фоме, связан с отказом от личности. Устина советовала Арсению принять ее имя, но это только первый шаг, теперь *предстоит отказаться от себя совершенно. Только так он может начать жить за Устину.*

---

<sup>35</sup> Так отзовется Пушкин о русских людях, встретив на дорогах своей южной ссылки гроб с телом Грибоедова. Впрочем, Фоме доступен и русский сленг XX века, как, например, упоминание некоего объекта «в пальто» на той же странице [Водолазкин 2014, с. 179].

Выполняя рекомендации Фомы, Арсений соорудил жилище на кладбище монастыря. Сестры уже не пытались, как накануне, вывести его за ограду. Напротив, пришедшая настоятельница монастыря констатировала: «Зде живущий имеет себе одр землю, а покров небо», и пояснила: «Просто главный свой дом он строит на небесах, сказала настоятельница. Моли Господа о нас, человеचे Божий» [Водолазкин 2014, с. 181].

Юродство Арсения становится несомненным: миска с кашей всякий раз выпадает из его рук, и он выгребает остатки каши пальцами из травы<sup>36</sup>. Этой кашей он делится и с собаками, которых он просит передавать привет его Волку.

Фома не ошибся: юродство Арсения было настоящим. Действия юродивого внешне парадоксальны. В дома благочестивых людей Арсений швыряет камни, а стены домов, где живут развратники, он целует. Опекающий Арсения Фома вынужден разъяснять псковичам настоящий смысл действий юродивого: «Брат наш Устин глубоко прав, ибо камни бросает лишь в дома людей благочестивых. Из сих домов бесы изгнаны ангелами. Они боятся войти внутрь и цепляются, как показывает практика, за углы домов. (...) У людей же неправедных бесы сидят внутри дома, поскольку ангелы, данные на сохранение души человеческой, там жить не могут» [Водолазкин 2014, с. 183]<sup>37</sup>.

Здесь же разыгрывается и сцена «вражды» двух юродивых. Фома сразу разъяснил Арсению-Устину, что у каждого юродивого должна быть своя часть города, которую он не должен покидать, ибо без него эта часть «остается сиротой», а в иной части «образуется нашего брата избыток» [Водолазкин 2014, с. 178]. И вот теперь Фома, заметив юродивого Карпа из Запсковья, принялся наносить ему тумачи-шлепки. Когда они достигли середины моста через Пскову, Карп дал хорошую затрещину преследователю — ибо они уже оказались на территории Карпа [Водолазкин 2014, с. 184]. Потешные бои между Фомой и Карпом еще не раз будут возникать в повествовании, своим истоком они, вероятно, имеют «сражения» между новгородскими юродивыми Николой Кочановым и Федором, каковые, в свою очередь, восходили

<sup>36</sup> Ситуация может напомнить эпизод из Жития Арсения Великого: когда последний, покинув царских детей, пришел в монастырь, старец Иоанн бросил ему сухарь на землю. Арсений размыслил: «Этот старец — Ангел Божий и прозорливец, потому что он знает, что я хуже пса; поэтому и сухарь бросил он мне как псу; по той же причине я должен и съесть его, как пес». Встав на четвереньки, Арсений взял ртом этот сухарь [Житие Арсения Великого, с. 250].

<sup>37</sup> Фома лаконичнее Василия Блаженного, разъясняющего москвичам аналогичное метание камней [Житие Василия Блаженного, с. 128–129]. См. также: [Федотов, с. 206]. Фольклорные истоки мотива метания камней см.: [СУС, № 795-А, с. 200; Афанасьев 1990].

к столкновениям новгородских «концов»<sup>38</sup>, а еще далее и глубже — к фратриальному делению архаического коллектива [Петров]. Фома и Карп «дерутся» на манер новгородских юродивых и, как и те, иногда гоняются друг за другом по воде. Но псковские юродивые не очень уверенно держатся на речной поверхности, смешно размахивая руками; наблюдающие жители трезво замечают: «По воде, стало быть, только ходят... А бегать еще не научились» [Водолазкин 2014, с. 195]<sup>39</sup>. Никола в Новгороде, стоя посередине Волхова, бросался в своего противника кочанами капусты, за что и был прозван Кочановым [Петров, с. 67].

Житийный топос представляет собой и ситуация с комарами. Предоставляют свое тело комарам не только юродивые. Например, св. Феодосий Печерский на ночь выбирался из пещеры и отдавал оводам и комарам свое до пояса обнаженное тело, при этом он распевал псалмы и выпрадал шерсть [Житие Феодосия Печерского, с. 376]. Подобно Феодосию, Арсений обнажался, становился на могильную плиту и предавался молитвам об Устине. Когда Арсению случалось провести ладонью по своему телу, он «слышал хруст раздавленных насекомых» и обонял запах крови [Водолазкин 2014, с. 185]. Много раньше св. Макарию Александрийскому случилось раздавить комара, напившегося его крови. Раскаиваясь в этом деянии, святой «осудил себя сидеть нагим шесть месяцев при скитском болоте, которое находилось в глухой пустыне. Комары здесь величиною равняются осам и прокусывают кожу даже у кабанов. (...) Когда чрез шесть месяцев он возвратился в свою келию, то по голосу только узнали, что это сам господин Макарий» [Палладий, с. 72—73; Яковлев, с. 76—77]. Арсений не обладал крепостью Макария: после ночного пиршества кладбищенских гнусов монастырские сестры «по утрам находили его бездыханным, но всякий раз он в конце концов приходил в себя» [Водолазкин 2014, с. 185].

Фома, которому, казалось, открыты любые возможности, зовет Арсения (Устина) к умирающему младенцу Анфиму. Арсений, взяв ребенка на руки, тотчас вернул его в люльку, а сам лег на пол, скрестил руки на груди и закрыл глаза. Фоме стало ясно, что Анфим вскоре умрет. Возвращаясь на пароме к себе (Фома не преминул напоследок дать Арсению затрещину

<sup>38</sup> «Сходясь на знаменитом волховском мосту, эти „поединчики“ пародировали отнюдь не комические битвы софийского и торгового веча» [Панченко, с. 129]. Тексты о юродивых Федоре и Николае Кочанове см.: [Федор и Николай Кочанов].

<sup>39</sup> Гонялся за чертом по Москве-реке и Василий Блаженный: «Святой же Василий побѣже по водѣ, яко посуху, гоня диявола, и прогна его через Москву-рѣку...» [Житие Василия Блаженного, с. 132]. Впоследствии Василий и по морю пешим ходил, спасая персидских моряков, и, подобно Христу, «запрещал» морю и ветру топить корабль [Житие Василия Блаженного, с. 132–133].

за нахождение на чужой территории), Арсений увидел сноп искр над водой: душа Анфима покинула тело. Трое суток, пока душа мальчика находилась вблизи тела, Арсений, изгоняя сон, сопровождал Анфима. На прощание он попросил его поцеловать «там» мальчика, который еще меньше его самого, — сына Арсения. Позже другой мальчик, обнявший Арсения после детской экзекуции юродивого, напомнит ему сына.

У юродивых непростые отношения с калачниками: юродивые знают, что калачи готовились без должной чистоты и потому опрокидывают лотки и затаптывают калачи в грязь [Панченко, с. 126]<sup>40</sup>. Точно так же обошелся с калачами Прохора Арсений. При этом, глядя в глаза Прохору, юродивый уже знал, что последует за его деянием: калачник, опомнившись, втопчет в грязь самого Арсения и, прыгая на лежащего двумя ногами, переломает ему ребра.

Явившийся Фома (он из тех, кто является в критические моменты) объясняет псковичам поступок Арсения-Устина: калачи готовились человеком, не омывшимся после совокупления с женой. Прохор не смог отрицать этого.

Монастырские сестры готовы были к кончине юродивого, их настоятельница заметила, что Устин (они его знали только под этим именем) еще при жизни умертвил себя: «мертва себе в житии состави» и что у него уже есть «кущи своя на небесех» [Водолазкин 2014, с. 191]. Но срок Арсения-Устина еще не пришел: монастырские сестры сумели выходить его.

Фома, навестивший выздоравливающего Арсения, сообщил, что донес до властей его молитвенную просьбу не наказывать Прохора. Но предупредил, что Арсений будет бит еще неоднократно. Жители Завеличья — они уже успели собраться вокруг юродивых — пытались было напомнить Фоме, что юродивых бить нельзя, но Фома возразил: «юродивых потому и бьют, что бить их нельзя» [Водолазкин 2014, с. 194]. Углубляясь в диалектические дебри, Фома объяснял, что благочестивый человек знает, что «юродивый должен претерпеть страдание», а потому, принимая на себя грех, обеспечивает юродивому такое страдание. Может даже и убить.

Юродивые нередко и сами стремились к побоям. А. М. Панченко разъясняет мотивы такого поведения: «Исполненное тягот, страданий и поношений юродство в древнерусских источниках уподобляется крестному пути Иисуса Христа... Подражание крестному пути и делает подвиг юродства „сверхзаконным“, в представлении агиографов — труднейшим и славнейшим, венчающим лестницу христианского подвижничества: „...выше естества нашего подвизася“» [Панченко, с. 88]. Арсений, если и не стремится

<sup>40</sup> Разбрасывал калачи и Василий Блаженный [Житие Василия Блаженного, с. 124].

к побоям, то ничего не делает, чтобы избежать их. Его бьет дубиной по голове разбойник Жила, едва не убивает Прохор-калачник, опрокидывает в снег пьяный, которого Арсений довел до дома, псковские мальчишки валят его с ног и прибивают рубашку к деревянной мостовой. Острые ситуации возникали и позже.

Побой завеличские жители, слушающие объяснения Фомы, еще допускали, но убийство сочли все же неблагочестивым делом. Тогда Фома разъяснил, что русский человек не только благочестив, но и — Фома явно был одним из предков Пушкина<sup>41</sup> — «бессмыслен и беспощаден», так что благочестие у него легко может «обернуться смертным грехом» [Водолазкин 2014, с. 194].

Именно так вышло у калачника Самсона с юродивым Карпом. У них было нечто вроде игры: когда калачник выходил с лотком, поджидающий его Карп «зубами хватал полуденежный калач и бросался прочь». Самсон во все не гнался за ним, но небогатые люди, зная, что калач выпадет из зубов Карпа, шли следом. Дневной пищей Карпа было лишь то, что откусывали от калача его зубы<sup>42</sup>. Эта игра продолжалась много лет. В один из весенних дней калачник Самсон, как всегда, вынес лоток «с доброй улыбкой на устах». Однако Карп, ожидая его, стоял, «закрыв лицо руками». Карп подошел к лотку, и, как всегда, взял калач зубами. Автор замечает, что «на виске его бьется синяя жилка». В этот раз Карп не побежал, а обернулся и «жалобно» смотрел на Самсона. Поставив лоток на землю, Самсон двинулся к юродивому [Водолазкин 2014, с. 221]. Внезапно фигура калачника «ломается», «рука его съезжает к голенищу сапога. (...) Карп вытягивается в струну. (...) Нож медленно входит в тело юродивого». «Силы небесные, шепчет калачник Самсон, сколько лет я ждал этого дня» [Водолазкин 2014, с. 222]. Фома прав: благочестие вдруг оборачивается смертным грехом. Позже Самсон объяснит: «Просто мера ожидавшегося от меня превышала меру моей доброты...» [Водолазкин 2014, с. 244].

Сам Фома умер вполне достойно. Как это бывает у святых, он знал о сроке своей кончины; уже теряя силы, совершил последний обход Пскова, изгоняя бесов. Правда, скептический Фома знал меру успехов своей борьбы с нечистыми. «Неужели же вы думаете, что я изгнал их навеки? Ну, лет на пять, максимум — на десять. И что вы, спрашивается, будете делать

<sup>41</sup> Тем более что в близкой Пскову новгородской земле в XIII в. бился со шведами предок Пушкина по имени Гаврило Алексич [Водовозов, с. 38].

<sup>42</sup> Аналогичным образом в Ростове юродивый Артемий Третьяк, «бъжучи ухватит полуденежной колачь, и ухватит зубы своими, и держа в зубах, весь колачь исчиплеть и розмечеть, а что в ротъ — то была у него пища». Цитирую по: [Руди 2015, с. 461].

дальше?» [Водолазкин 2014, с. 357], — обращается он к псковичам. Фома «знает» о гибельном море, который ждет псковичей, знает и о том, что жителям поможет Арсений после паломничества в Иерусалим. Предвидит он и дальнейшую судьбу Арсения. Умирает Фома в два приема: когда убедился, что все предсказанное им записано правильно, «закрыв глаза и умер», но затем, вспомнив нечто важное, «открыл на мгновение глаза и добавил: Постскрипtum. Пусть Арсений имеет в виду, что его ждет монастырь аввы Кирилла. Всё». После этих слов «умер окончательно» [Водолазкин 2014, с. 357]<sup>43</sup>.

Прохор, изломавший тело Арсения, переживает катарсис: является к выздоравливающему юродивому, достает калач и падает на колени. Арсений опускается на колени рядом, обнимает Прохора, берет из его рук калач. Прохор говорит, что постился семь дней, Арсений согласно кивает, ибо по калачу уже знает об этом.

Арсений смахнул со щеки Прохора слезу, перенес ее на калач и надкусил в этом месте. Отпустив Прохора, Арсений вынес калач и, разломив, отдал «небогатым людям». У Прохора сложилось обыкновение приносить калачи Арсению, а юродивый раздавал их. Вскоре за этими калачами стали приходить не только «небогатые люди», но и состоятельные, ибо калачи, кроме вкусовых, обнаружили и целебные свойства<sup>44</sup>. Вскоре в этом убедился и глава города — посадник Гавриил.

Гавриил предложил Арсению кошелек с серебром и удивился тому, что Арсений принял его. Посадник оставил у монастыря человека, чтобы узнать, как юродивый распорядится серебром. Опережая на век Василия Блаженного, Арсений отдает серебро не беднякам, а купцу Негоде. Вездесущий Фома разъяснил посаднику, желающему понять выбор Арсения: купец Негода лишился всего имения, подаяния же просить не станет и, предпочитая умереть с голоду, уморит свою семью. В XVI в. Василий Блаженный в сходной ситуации разъяснял Иоанну Васильевичу, что купец, которому он отдал царское золото, «три дни гладомъ таеть, ничто же имѣя вкусити, а выпросить стыдится свѣтлыхъ ради своихъ ризъ, их же на себѣ носить. А нищие гладом не живутъ и просить не стыдятся, и они всегда нужную пищу себѣ стяжевають» [Житие Василия Блаженного, с. 127]. Фома тоже считал, что

<sup>43</sup> По молитве св. Кирилла умерший инок Далмат возвращается к жизни, чтобы принять Причастие и попрощаться с братией, после чего умирает окончательно [Житие Кирилла Белозерского, с. 174].

<sup>44</sup> Такими же были и хлебы не чуждой юродства Юлиании Лазаревской, жившей в XVI в. Во время голода она пекла их из лебеды и древесной коры, но «молитвою ея бысть хлѣб сладок», и люди шли за этими хлебами [Житие Юлиании Лазаревской, с. 112–113].

нищие «сами себя прокормят, просить — это как-никак их профессия» [Водолазкин 2014, с. 199]. Века идут, а ничто не меняется.

Посадник захотел наградить Арсения, но сохраняющий обет молчания Арсений не отвечал; тогда за него выступил Фома, предложив подарить юродивому «великий град Псков». Посадник Гавриил опечаленно молчал. Фома утешил и его: «Да не парься ты, ё-моё. Не можешь дать ему этот город — не давай. Он и без тебя его получит» [Водолазкин 2014, с. 199]. Так же и Арсений Новгородский, смутив подобной просьбой о Новгороде Ивана Грозного с сыновьями, заверил царскую семью: «Хоть вы не хотите, а я его заберу» (цит. по: [Будовниц, с. 185]).

Святой борется со своей телесностью, но лишь у юродивых эта борьба становится предельной. В лютую зиму настоятельница монастыря сумела убедить Арсения, чтобы он перешел в келью, но через трое суток Арсений вернулся в свое жилище на кладбище, открытое стихиям. Устине он объясняет: в «келье плоть моя отогревается и начинает выдвигать свои требования. Тут ведь, моя любовь, только начни. Дашь ей палец, а она отхватит целую руку. (...) Чтобы не замерзнуть, стану, пожалуй, ходить по Завеличью» [Водолазкин 2014, с. 200–201]. Арсений начинает спасать замерзающих, в том числе и пьяных, отводя их либо к жилищу, либо в дом для убогих. Фома решил ему заниматься спасением по всей территории, ибо невиданный снег стер городские границы «естественным путем». Однажды он с немалым трудом волок очередного завсегдатая кабака, который, пристраиваясь для сна в сугробе, требовал оставить его в покое. Даже протрезвев, он долго не мог найти свой дом, и только освободившаяся от облаков луна помогла ему в этом. Войдя в свой дом, этот человек захлопнул за собой дверь. Арсению же требовалось хоть немного передохнуть от стужи и блужданий. И Арсений постучал в дверь. Спасенный им человек разбежался и сбил Арсения с крыльца. Поднявшись и отерев кровь с разбитого лица, Арсений в свете луны разглядел дальние дома. Когда он подошел к ним, увидел, что дома были ветхими. Убогие люди встретили его палками: «Иди и умри, юроде...» [Водолазкин 2014, с. 203]. В конце концов Арсений нашел покосившийся сарай. Лунный свет, проникавший сквозь щели, отражался в зрачках собак, лежащих в углу. Арсений подполз к собакам, они, хотя и зарычали, но зла ему не причинили. Когда он проснулся, собак рядом с ним уже не было. «Насколько же я гадок, сказал Арсений Устине. Я оставлен Богом и людьми. И даже собаки (...) не хотят иметь со мной дела» [Водолазкин 2014, с. 203].

Нечто подобное случалось и с иными юродивыми Христа ради. Палками отгоняли Прокопия нищие Устюга Великого, когда он в лютый мороз просился обогреться: «Поиде ты, юроде, отсюда прочь!» [Власов, с. 35]. С соба-

ками спал Андрей Цареградский. Прокопий Устюжский, подобно Арсению, согревался между собаками, и, как и Арсения, собаки покинули его: «И потом приидох аз в пусту храмину и ту обретох во едином угле псы лежаща. Аз же ту близ их легах, яко да согреюся от них. Тии же пси видеша мя и скоро востаха и отбегоша от мене. Аз же востах и глаголах в себе, яко лишену бытии ми не токмо от Бога и от человек, но и пси гнушахоя мною и отбегаху» [Власов, с. 36]<sup>45</sup>. Как видим, не только люди и положения, но даже собаки меняются мало.

То, что произошло дальше с Арсением, настолько близко к произошедшему с Прокопием, что лучше это представить в виде таблицы с двумя колонками (последовательность текста жития Прокопия в начале таблицы немного нарушена; для наглядности пронумеруем фрагменты).

АРСЕНИЙ	ПРОКОПИЙ
1) ...мне мерзко мое грязное и посиневшее тело.	1) ...омерзе ми все мое калное смердящее тело и посинившее.
2) Арсений сел на корточки, обхватив голову руками и спрятав ее в колени.	2) И ту седох, согнувся от великаго того зимняго лютаго мраза...
3) ...он ощутил, что постепенно его наполняет изнутри тепло.	3) И по сем внезапно очютих себе некую теплоту...
4) Открыв глаза, Арсений увидел перед собой юношу, прекрасного видом.	4) ...отверзох очи свои, и видех некоего юношу, стояща близ мене, видением красна вельми зело.
5) Его лицо светилось, как солнечный луч, и в своей руке он держал ветвь, усыпанную алыми и белыми цветами.	5) Лице же его бяше светящееся паче солнечных лучь, имея в руце свей яко некую ветвь, всяким цветом червленым и белоросным исполнена.
6) Эта ветвь не была похожа на ветви тленного мира, и красота ее была неземной.	6) Не такова же суть та, якоже ветвь мира сего прелестнаго, но испестрена некако инем цветом.
7) Прекрасный юноша, держащий в руке ветвь, спросил: Арсение, где ныне пребываеши? Сижу во тьме, окован железом, в сени смертной, ответил Арсений.	7) И видением прекрасный же он, юноша, держа в руце своей онюю ветвь. Возрев на мя и глагола ми: «О, Прокопие, где еси ныне пребываеши?» Аз же глаголах ему: «Сежу во тме, окован железом и сени смертней» (Пс. 106, 10).
8) Тогда юноша ударил Арсения ветвью по лицу и сказал:	8) И удари мя тою цветною ветвию в лице мое и глагола ми паки: «О, Прокопие,

<sup>45</sup> С собаками спал и Андрей Юродивый, но он, в отличие от Арсения и Прокопия, чтобы освободить себе место, прогонял одну из собак; выспавшись, вовсе не сокрушался, а удовлетворенно констатировал: «псь съ псы наспался еси по простору» [Житие Андрея Юродивого, с. 342].

## АРСЕНИЙ

## ПРОКОПИЙ

Арсение, прими жизнь непобедимую всему твоему телу и очищение и прекращение твоих страданий от великой сей стужи.

9) И с этими словами в сердце Арсения вошло благоухание цветов и жизнь, дарованная ему второй раз. Когда же он поднял глаза, то обнаружил, что юноша стал невидим [Водолазкин 2014, с. 203–204].

прими си живот непобедимый всему своему телу, и очищение, и разрешение болезни твоя от зимняго сего великаго мраза».

9) И абие в той час вниде в сердце мое воняя цветная. Благообразный же юноша он, яко молния светла, отиде от мене и невидим бысть. И оттоле приложися ми ся живот» [Власов, с. 36–37].

Так оказывается, что текст, восходящий к XVI–XVII векам, при условии талантливого осовременивания, вполне может быть включен в текст романа XXI века. На наш взгляд, сцена с явлением ангела замерзающему Арсению — одна из лучших светлых сцен в романе Е. Г. Водолазкина. Так действительно осуществляется непрерывность духовной традиции, заключенной в письменном слове. И не важно, квалифицируется ли такая «цитатность» постмодернизмом или сохранением литературной традиции: амплификация, инкорпоративность — обычные свойства древнерусского текста.

Видимо, исходя из интересов современного читателя, автор немного распространил финал этой сцены: «И Арсений понял, кто был этот юноша. Он вспомнил животворное слово песнопения: идеже Господь восхоцет, побеждает естества чин. Потому что по чину естества Арсений должен был умереть. Но, улетающий в смерть, был подхвачен и возвращен в жизнь» [Водолазкин 2014, с. 204]. Древнерусский агиограф лаконичнее: «И оттоле приложися ми ся живот».

Хотя ангел и раньше являлся Арсению, помогая ему врачевать людей в селениях, поверженных мором, но такое явление ангела, отвращающее неминуемую смерть, означало, что само Небо теперь принимает заинтересованное участие в его судьбе не потаенно.

Действительно, мировосприятие Арсения после общения с ангелом кардинально меняется. События перестают подчиняться времени, тем самым время как бы самоликвидируется<sup>46</sup>. Арсений догадывается, что такое состояние характерно для того места, где пребывает Устина, но в «этом» мире «я (...) сталкиваюсь с этим впервые» [Водолазкин 2014, с. 205]. Смерть сестры Пульхерии от расчесывания родинки и спасение сестры Агафьи

<sup>46</sup> Было бы интересно провести отдельную разработку категории времени в романе Е. Г. Водолазкина, но этому посвящено уже немало статей, см., например: [Махина, Сидорова; Бочкина; Саргсян].

(Арсений успел остановить ее руку, тянущуюся к родинке<sup>47</sup>), кончина настоятельницы монастыря Иоанна Предтечи свертываются в некое единство одновременности. Жаркий летний день, в котором Арсений спасает Агафью, тут же сменяется зимней стужей, в которую Арсений спешит в дом к иерею Иоанну (Арсений жестами предсказывает Иоанну смерть от ножа; весной это предсказание реализуется). Для детей иерея Иоанна явление Арсения подобно явлению шаровой молнии.

Но не все дети так воспринимали Арсения. Ватага подростков валит юродивого на дощатую мостовую и прибавает его рубаху (может быть, все ту же красную рубаху, которую он некогда дал Устине и которую она «в свое время» собиралась вернуть ему?) к доскам. Арсений смеется вместе с жестокими детьми и, как Иисус Христос, распинаемый на кресте, возносит беззвучную молитву об их прощении. Нечто подобное происходило с Арсением Новгородским: «Отроком иным около его глумящимся, овии же держаще его, инии же ризу его к мосту гвоздями прибываху» [СККДР, с. 334]. Арсений мог бы аккуратно оторвать рубаху от гвоздей, но, на потеху мальчишкам, он, поднимаясь, рвет подол, а затем собирает лоскуты и пришивает их к рубахе, чем вызывает еще больший смех своих мучителей. А. М. Панченко указывает, что лоскутность, многошвейность рубахи подчеркивается в текстах о юродивых [Панченко, с. 93–94]<sup>48</sup>. За пределами топоса «лоскутности» одеяний юродивых остается сцена с мальчиком, сочувствующим юродивому. Один из ватаги жалеет Арсения и, когда все разбегаются, подходит и обнимает его. Конечно, этот мальчик, как прежде Анфим, опять напомнил Арсению о его сыночке. Идя по улицам, Арсений плачет, и его слезы прорастают на обочинах «неброскими растениями» [Водолазкин 2014, с. 208]. Чудо, мыслимое и в житии, «романизируется».

После явления ангела в Арсении активизируются способности, присущие святым. Он вынимает собственный зуб мудрости и посылает его жене посадника Гавриила, у которой тут же прекращается зубная боль [Водолазкин 2014, с. 209]. Арсений покорно облачается в дорогие одежды, привезенные ему посадником, но, повернувшись к северо-востоку, выливает на землю чашу от посадника с драгоценным фряжским вином. Гавриил хмурится.

<sup>47</sup> Это еще не осмысляется как опережение времени, но позже, когда Арсению удалось спасти паломника Вильгельма, которого капитан корабля «Святой Марк» намеревался выбросить за борт, Арсений говорит Устине: «Смотри-ка, любовь моя, в этот раз мне удалось опередить время (...) а это указывает, что оно не всевластно» [Водолазкин 2014, с. 330].

<sup>48</sup> Исчерпывающее количество текстуальных примеров «лоскутности» см.: [Руди 2006, с. 474–477 (топос под номером 12)].

На выручку, как всегда, приходит вездесущий Фома и объясняет Гавриилу, что этим вином Арсений пытается потушить пожар, бушующий в Новгороде [Водолазкин 2014, с. 209–210]. Век спустя Василию Блаженному приходится самому объяснять Иоанну Васильевичу сходные действия<sup>49</sup>.

Арсений дважды выбивает кружки с хмельным из рук тех, кто ограбил его (завсегдатаи корчмы отняли и продали дорогие одежды, подаренные Арсению посадником), но зачем он это делает, не объясняет даже Фома [Водолазкин 2014, с. 210–211]. Предположить, что Арсений сознательно ищет побоев, как это делают некоторые юродивые<sup>50</sup>, не получается, ибо он даже рад тому, что может вернуться к своей обычной одежде, которая была при нем в узелке. Нет и никаких намеков на то, что в кружках с хмельным сидят бесы, как это однажды было явлено Василию Блаженному, но Василий не выбивал скляницу из рук пьяницы, он просто рассмеялся, видя, как бес, осененный крестным знаменем, выскочил из нее [Житие Василия Блаженного, с. 128]. Отчасти схожая история была с Андреем Юродивым: блудницы раздевают его и продают одежду с целью обеспечить себе «пити днесь», но самого процесса питья и выбивания чаш в тексте нет [Житие Андрея Юродивого, с. 346].

Прямой борьбы с бесами, какую традиционно ведут святые, у Арсения как будто нет<sup>51</sup>. Бесов он побивает камнями, обходя дома Запсковья; позднее он начал швырять комья грязи в некоторых почтенных жителей города. Жители были недовольны, но Арсений утешался тем, что бесы, которых он видел за спинами этих жителей, были недовольны еще больше [Водолазкин

---

<sup>49</sup> «Прииде нѣкогда блаженный и поистиннѣ чюдный Василий къ благовѣрному государю царю и великому князю Иоанну Васильевичу, всея России самодержцу, якоже обычай имяше часто к нему приходити, его же благовѣрный царь зѣло любляше за святое его житие и добрыя дѣтели, — и налия ему чашю нѣкоего пития и даде блаженному пити. Блаженный же оную данную от царя чашю выплесну за оконце. Благовѣрный же царь и вторую даде, онъ же и вторую выплесну. Тогда государь нача негодовати на него, мня его презирающа свое угощение. Блаженный же, зря царя оскорбившася и хотя утѣшити его, изъяви ему всю истинну вину излияния оныя чаши царьскаго (у)гощения, рече царю: „Благовѣрный царю, не скорби на сие мое смотрительное дѣло, не бо ты презирая излихъ оныя чаши за окно, но пожаръ залихъ въ Великомѣ Новѣградѣ“» [Житие Василия Блаженного, с. 124–125].

<sup>50</sup> Например, Симон Юрьевецкий, «желая вызвать на себя гнев окружающих, отнимал у них питье и выливал его на землю, разгневанные посетители корчмы „биения и раны творяху ему, озлобляюще его, — он же с радостію таковая терпяше“» [Руди 2015, с. 460].

<sup>51</sup> Можно предположить, что в «Лавре» в качестве бесов выступают люди: Самсон-калачник, отчасти и Прохор-калачник, разбойник Жила, пьяный, столкнувший Арсения с крыльца, загадочный убийца иерея Иоанна, бесенята — дети, прибивающие Устина. Но все они — существа «этого» мира.

2014, с. 211]. Однако мы видим, что не бесы нападают на святого, но святой нападает на бесов.

Как это свойственно и иным юродивым, днем Арсений совершал парадоксальные, на обычный взгляд, поступки, а по ночам с плачем молился<sup>52</sup>, что и было отмечено настоятельницей монастыря: «Во дни раб Божий Устин мирови смеется, нощию же мир оплакивает» [Водолазкин 2014, с. 211].

Раб Божий Устин одним прикосновением возвращает к жизни девушку Евпраксию, два месяца бывшую в коме, но для святых такие чудеса в порядке вещей. Отец девушки, плотник Артемий, падает на колени и целует Арсению руку, Арсений убегает, по льду переходит реку Великую и встречает Карпа, еще живого. Карп, поглядывая на Арсения, выкрикивает себе спутника до Иерусалима, а Арсений не может наглядеться на Карпа — они провидят судьбу [Водолазкин 2014, с. 211–213]. Позже выяснится, что Карп звал Арсения в Небесный Иерусалим, но Арсению без Устины туда нельзя. Поэтому Фома советует Арсению отправиться в Иерусалим земной и там помолиться об Устине [Водолазкин 2014, с. 245]. Но это еще в будущем.

Пока же «чудеса» продолжают: Арсений возвращает способность двигаться расслабленному Давыду [Водолазкин 2014, с. 213–215], вытрясает рыбу кость из горла иерея Константина [Водолазкин 2014, с. 216–217] и останавливает давнего знакомого, разбойника Жилу, готовящегося ограбить могилу дочери посадника Гавриила. Расхищение могил — древнее занятие. В Константинополе Андрей Юродивый пытался остановить угрозой лишения зрения такого грабителя. Последний лишь посмеялся над юродивым, заявив, что теперь непременно совершит ограбление, чтобы проверить сказанное. Покойная девушка была готова лишиться савана и накидки, но не вынесла, когда грабитель снял с нее и сорочку, обнажив тело. Она поднялась и ударила его правой рукой по щеке, отчего тот немедленно ослеп. Надев сорочку и облачившись в накидку и саван, покойная вернулась в могилу, а ослепший разбойник вынужден был отныне кормиться милостыней [Житие Андрея Юродивого, с. 352–354]. Арсений не стал ждать, когда утопшая Анна вступится за себя. Он негромко, называя его по имени, обратился к грабителю, полагающему, что его никто не видит: «Если ты, Жила, войдешь в эту могилу по грудь, то уже никогда из нее не выйдешь...» Жила потрясен, он первый день в этом городе, его никто не знает, стало быть, тот, кто назвал его по имени, — ангел. Арсений не стал входить в выяснение

<sup>52</sup> Ср., например, с Прокопием Устюжским: «В день убо юрод хождаше, в нощи же без сна пребываше, и молящееся непрестанно Господу Богу и плакашеся грехов своих, и глаголаше в себе, утешаю душу свою: „О, Прокопие, подобает ти многими скорбьми внити во Царство Небесное, нужно бо есть, нужницы восхищают“ (Деян. 14: 22; Мф. 11: 12)» [Власов, с. 16].

этого вопроса, он лишь конкретизировал свою угрозу: «...можешь в одночасье стать землей». Грабитель сломлен, Арсений велит ему молиться, а для начала закопать могилу [Водолазкин 2014, с. 219].

Врачевательная сила и слава Арсения росли во Пскове, как прежде росли в Белозерске. Но сам Арсений знает, что не каждому он может помочь, точнее, не всегда он находит в себе достаточных сил и «света». Об этом он говорит Устине: «Это грехи не дают мне подняться на ту высоту, где лежит спасение этого человека. Я, любовь моя, виновник его смерти и оттого плачу о его уходе и о своих грехах» [Водолазкин 2014, с. 220]. Но даже те, кого Арсений не мог спасти, были благодарны ему, ибо «в исследовании боли он опускался до самого ее дна» [Водолазкин 2014, с. 220].

Когда-то коровье вымя, к которому припадал Арсений, сохранило ему жизнь. Теперь роженицу, не имеющую молока, он усаживал за дойку коровы и заставлял выпить надоенное молоко: у молодой матери тотчас набухали соски, и она бежала к своему ребенку [Водолазкин 2014, с. 221].

Между прочим, автор сообщает, что Арсений *переходит* реку Великую, отмечая, что «льда уже нет, но вода все еще холодна», — Арсений, по-видимому, обрел способность хождения по воде. Фома уже там. Трое юродивых Пскова сходятся в одном месте, чтобы оказаться свидетелями гибели одного из них. Похоже, что все они, включая Карпа, знают о том, что должно произойти, но не считают возможным вмешиваться в должное [Водолазкин 2014, с. 221–222]. Герои романного толка стремятся преодолеть неблагоприятную судьбу, житийного — принимают неотвратимое.

## Литература

- Александрия — Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / Изд. подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. М.; Л.: Наука, 1965. 268 с.
- Александрия БЛДР — Александрия / Подгот. текста, пер. и коммент. Е. И. Ванеевой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2003. Т. 8: XIV — первая половина XVI века. С. 14–148.
- Амберг — Амберг Л. «Для Господа нет чужеземцев»: заметки об образе и функции иностранца в романе Евгения Водолазкина *Лавр* // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин: Кол. монография / Под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2019. С. 235–244.
- Афанасьев — Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: В 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Барраг, Н. В. Новиков. М.: Наука, 1984. Т. 1. 511 с.; 1985. Т. 2. 463 с.; Т. 3. 495 с. (Лит. памятники).
- Афанасьев 1990 — Ангел // Народные русские легенды А. Н. Афанасьева. Новосибирск: Наука, 1990. С. 138–139, № 26.

- Бочкина — *Бочкина М. В.* Отражение средневековой концепции времени в романах Е. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22, № 3. С. 475–483.
- Будовниц — *Будовниц И. У.* Юродивые Древней Руси // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1964. Вып. 12. С. 170–195.
- Ванеева — *Ванеева Е. И.* Александрия Сербская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1988. Вып. 2: (вторая половина XIV — XVI в.), ч. 1: А–К. С. 21–25.
- Веселовский — *Веселовский А. Н.* Мерлин и Соломон: Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине: [Избр. работы]. М.: ЭКСМО-Пресс; СПб.: Terra Fantastica, 2001. 864 с. (Антология мысли).
- Власов — *Власов А. Н.* Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. 640 с.
- Водовозов — *Водовозов Н. В.* Повесть XIII века об Александре Невском // Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина. М., 1957. Т. 67: Кафедра русской литературы, вып. 6 / Под ред. А. И. Ревякина. С. 21–45.
- Водолазкин 2020 — *Водолазкин Е. Г.* Дом и остров // Водолазкин Е. Г. Идти бестрепетно: между литературой и жизнью. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 89–107.
- Водолазкин 2014 — *Водолазкин Е. Г.* Лавр: Роман. М.: АСТ, 2014. 440 с.
- Волк — медный лоб — Волк — медный лоб // Сказки и предания Северного края. М.; Л.: Academia, 1934. С. 17–20, № 7.
- Гура — *Гура А. В.* Волк // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1: А–Г. С. 411–418.
- Дмитриев — *Дмитриев Л. А.* Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1970. Т. 25. С. 191–196.
- Житие Авраамия Затворника — В той же день сказание преподобного отца нашего Ефрема Сирина о житии преподобного отца Авраамия Затворника // Великие Минеи Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием / Изд. Археографической комиссии. СПб.: Тип. О. Г. Елеонского и К°, 1880 [сканирование «Аксион эстин», 2009]. Октябрь, Дни 19–31. Стб. 1996–2024 (День 29). (Памятники славяно-русской письменности).
- Житие Андрея Юродивого — Житие Андрея Юродивого / Подгот. текста, пер. и коммент. А. М. Молдована // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 2: XI–XII вв. С. 330–358.
- Житие Арсения Великого — Житие преподобного отца нашего Арсения Великого // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. [Репр. изд.]. Киев: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 2004. Т. 9. Месяц май, день восьмой. С. 244–270.
- Житие Варлаама Керетского — Житие Варлаама Керетского / Подгот. текста и коммент. Л. А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2010. Т. 16. С. 448–452.
- Житие Василия Блаженного — *Руди Т. Р.* Об одной талмудической параллели к «апокрифическому» Житию Василия Блаженного // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2009. Т. 60. С. 122–136.

- Житие Василия Нового — Житие преподобного отца нашего Василия Нового // *Свт. Димитрий Ростовский*. Жития святых. URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij\\_Rostovskij/zhitija-svjatykh/276](https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/276) (дата обращения 27.10.2020).
- Житие Кирилла Белозерского — Житие Кирилла Белозерского / Подгот. текста Е. Г. Водолазкина, пер. и коммент. Е. Г. Водолазкина и Г. М. Прохорова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 7: Вторая половина XV в. С. 132–216.
- Житие Сергия Радонежского — Житие Сергия Радонежского / Подгот. текста Д. М. Буланина, пер. М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина, коммент. Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 6: XIV — середина XV в. С. 254–411.
- Житие Феодосия Печерского — Житие Феодосия Печерского / Подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII вв. С. 352–433.
- Житие Юлиании Лазоревской — Житие Юлиании Лазоревской / Подгот. текста и коммент. Т. Р. Руди // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Т. 15: XVII в. С. 108–116.
- Зеленин — *Зеленин Д. К.* Избранные труды. М.: Индрик, 1995. [Т. 2]: Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. 432 с.
- Иван-царевич и девица-царица — Иван-царевич и девица-царица // Северные сказки: Сборник Н. Е. Ончукова: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1998. Кн. 1. С. 61–71.
- Истоки русской беллетристики — Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / Отв. ред. Я. С. Лурье. Л.: Наука, 1970. 594 с.
- Каган, Лурье — *Каган М. Д., Лурье Я. С.* Ефросин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1988. Вып. 2: (вторая половина XIV — XVI в.), ч. 1: А–К. С. 227–236.
- Каманьи — *Каманьи Ф.* Образ кладбища в прозе Евгения Водолазкина // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин: Кол. монография / Под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2019. С. 121–133.
- Костюхин — *Костюхин Е. А.* Типы и формы животного эпоса. М.: Главная редакция восточной литературы, 1987. 269 с.
- Левкиевская — *Левкиевская Е.* Мифы русского народа. М.: Астрель, АСТ, 2005. 368 с.
- Летописец Еллинский и Римский — Летописец Еллинский и Римский. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1 / Текст подгот. О. В. Твороговым и С. А. Давыдовой. С. 85–178.
- Лурье 1965 — *Лурье Я. С.* Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе XV века // Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л.: Наука, 1965. С. 145–168.
- Лурье 1988 — *Лурье Я. С.* Апокрифы о Соломоне // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1988. Вып. 2: (вторая половина XIV — XVI в.), ч. 1: А–К. С. 66–68.
- Маржерет — *Маржерет Ж.* Состояние Российской державы и Великого княжества Московского // Россия XVII века: Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 10–76.

- Масса — *Масса И.* Краткое известие о Московии // Россия XVII века: Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 77–256.
- Махнина, Сидорова — *Махнина Н., Сидорова М.* Историческое время в романе Е. Водолазкина «Лавр» (к постановке проблемы) // Филология и культура = Philology and culture. 2016. № 2 (44). С. 271–274.
- Махнина, Сидорова, Насрутдинова — *Махнина Н, Сидорова М., Насрутдинова Л.* Древнерусский текст в романе Е. Водолазкина «Лавр» («Александрия») // Филология и культура = Philology and culture. 2019. № 1 (55). С. 184–189.
- О двойне — О двойне — сестре с братом и об его «охоте» // Русские сказки и песни Сибири. СПб.: Тропа Троянова, 2000. С. 471–473. (Полное собрание русских сказок: Предреволюционные собрания; Т. 3).
- Палладий — *Палладий, en. Еленопольский.* Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов. М.: Благовест, 2013. 384 с.
- Панченко — *Панченко А. М.* Смех как зрелище // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 72–153.
- ПВЛ, ч. 1 — Повесть временных лет. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 1: Текст и перевод / Подгот. текста Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, 404 с. (Лит. памятники).
- Петрей — *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса. Петр Петрей. М.: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1997. С. 151–464.
- Петров — *Петров А. В.* Новгородские юродивые Николай Кочанов и Федор и их «распря» // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях: Альм. СПб.; Казань, 2014. Вып. 2: Материалы науч. конф. «Преподобный Сергей Радонежский: личность в контексте эпохи и история его почитания» (Санкт-Петербург, 1–3 окт. 2014 г.). С. 58–73.
- Подрезова, Харлашкин — *Подрезова Н. Н., Харлашкин Ю. С.* Семантика кладбищенского хронотопа в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 134–140.
- Руди 2006 — *Руди Т. Р.* О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 431–500.
- Руди 2015 — *Руди Т. Р.* Об аскезе юродивых (из истории агиографической топике) // Slověne. 2015. № 1. С. 456–473.
- Руди 2009 — *Руди Т. Р.* Об одной талмудической параллели к «апокрифическому» Житию Василия Блаженного // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2009. Т. 60. С. 103–136.
- Русский хронограф — Русский хронограф: Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянских культур, 2005. Т. 22. 896 с.
- Саргсян — *Саргсян М.* Концепция повторяемости и неповторяемости в романе Евгения Водолазкина *Лавр* // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин: Кол. монография / Под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2019. С. 223–234.
- Сказание Агапия — Сказание отца нашего Агапия / Подгот. текста, пер. и коммент. М. В. Рождественской // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 3: XI–XII вв. С. 338–348.
- СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Вып. 3: (XVII в.), ч. 1: А–З. 410 с.

- Скотница — *Скотница Анна*. Общение влюбленных в *Лавре* Евгения Водолазкина // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин: Кол. монография / Под ред. А. Скотницкой и Я. Свежера. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2019. С. 191–202.
- Соломон и Китоврас 1862 — Сказания о Соломоне и Китоврасе // Памятники старинной русской литературы. СПб.: Тип. П. А. Кулиша, 1862. Вып. 3: Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. С. 51–58.
- Суды Соломона — Суды Соломона / Подгот. текста, пер. и коммент. Г. М. Прохорова) // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 3: XI–XII вв. С. 172–190.
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Барга, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- Федор и Николай Кочанов — Сказание о Феодоре Новгородском Христа ради юродивом // Святые Новгородской земли, или История святой Северной Руси в ликах X–XVIII вв. Т. 1. URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija/svjatykh/svjatyepovgorodskoj-zemli-ili-istorija-svjatoj-severnoj-rusi-v-likah-10-18-vv-tom-1/4\\_7](https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija/svjatykh/svjatyepovgorodskoj-zemli-ili-istorija-svjatoj-severnoj-rusi-v-likah-10-18-vv-tom-1/4_7) (дата обращения 17.04.2020).
- Федотов — *Федотов Г. П.* Юродивые // Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. С. 200–210.
- Физиолог — Физиолог / Изд. подгот. Е. И. Ванеева. СПб.: Наука, 2002. 167 с.
- Хронограф западнорусской редакции — Хронограф западнорусской редакции // Русский хронограф. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 1–32. (Полное собрание русских летописей; Т. 22).
- Хронограф 1512 — Хронограф редакции 1512 г. // Русский хронограф. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 186–213. (Полное собрание русских летописей; Т. 22).
- Яковлев — *Яковлев В.* Древне-Киевские религиозные сказания. Варшава: Тип. Варшавского Военного округа, 1875. 164 с.

## References

- Adrianova-Peretts, V. P., Likhachev, D. S., Romanov, B. A., eds. (1950). *Povest' vremennykh let*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR. Part 1: Tekst i perevod. 404 p. (Literaturnye pamyatniki).
- Afanas'ev, A. N. (1984–1985). *Narodnye russkie skazki*. Barag, L. G., Novikov, N. V., eds. Moscow: Nauka. Vols 1–3. Vol. 1. 511 p.; Vol. 2. 463 p.; Vol. 3. 495 p. (Literaturnye pamyatniki).
- Amberg, L. (2019). "Dlya Gospoda net chuzhezemtsev": zametki ob obraze i funktsii inostrantsa v romane Evgeniya Vodolazkina *Lavr'*, in: *Znakovyye imena sovremennoi russkoi literatury: Evgenii Vodolazkin*. Kollektivnaya monografiya. Skotnitska, A., Svezhii, Ya., eds. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 235–244.
- Angel (1990), in: *Narodnye russkie legendy A. N. Afanas'eva*. Novosibirsk: Nauka, 138–139 (№ 26).
- Barag, L. G., Berezovskii, I. P., Kabashnikov, K. P., Novikov, N. V., Chistov, K. V., eds. (1979). *Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavjanskaya skazka*. Leningrad: Nauka. 437 p.

- Bochkina, M. V. (2017). 'Otrazhenie srednevekovoi kontseptsii vremeni v romanakh E. Vodolazkina *Lavr i Aviator*', *Vestnik RUDN. Literaturovedenie. Zhurnalistika*. Vol. 22, 3, 475–483.
- Botvinnik, M. N., Lur'e, Ya. S., Tvorogov O. V., eds. (1965). *Aleksandriya. Roman ob Aleksandre Makedonskom po russkoi rukopisi XV veka*. Moscow; Leningrad: Nauka. 268 p.
- Budovnits, I. U. (1964). 'Yurodivye Drevnei Rusi', *Voprosy istorii religii i ateizma* (Moscow), 12, 170–195.
- Bulanin, D. M., Antonova, M. F., eds. (1999). 'Zhitie Sergiya Radonezhskogo', in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. St. Petersburg: Nauka. Vol. 6: XIV — seredina XV veka, 254–411.
- Dmitriev, L. A. (1970). 'Povest' o zhitii Varlaama Keretskogo', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, Moscow; Leningrad: Nauka. Vol. 25, 191–196.
- Dmitriev, L. A., ed. (2010). 'Zhitie Varlaama Keretskogo', in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. St. Petersburg: Nauka. Vol. 16, 448–452.
- Fedotov, G. P. (1990). 'Yurodivye', in: Fedotov, G. P. *Svyatye Drevnei Rusi*. Moscow: Moskovskii rabochii, 200–210.
- Gura, A. V. (1995). 'Volk', in: Tolstoi, N. I., ed. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 1, A–G, 411–418.
- Kagan, M. D., Lur'e, Ya. S. (1998). 'Efrosin', in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, Leningrad: Nauka, Issue 2 (vtoraya polovina XIV — XVI vek), Part 1, A — K, 227–236.
- Kaman'i, Filippo (2019). 'Obraz kladbishcha v proze Evgeniya Vodolazkina', in: *Znakovye imena sovremennoi russkoi literatury: Evgenii Vodolazkin*. Kollektivnaya monografiya. Skotnitska A., Svezhii, Ya., eds. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 121–133.
- Khronograf redaktsii 1512 goda (2005), in: *Russkii khronograf*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 186–213. (Polnoe sobranie russkikh letopisei; Vol. 22).
- Khronograf zapadno-russkoi redaktsii (2005), in: *Russkii khronograf*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 1–32. (Polnoe sobranie russkikh letopisei; Vol. 22).
- Kostyukhin, E. A. (1987). *Tipy i formy zhitovnogo eposa*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. 269 p.
- Levkievskaya, E. (2005). *Mify russkogo naroda*. Moscow: Astrel', AST. 368 p.
- Likhachev, D. S., ed. (1992). *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 3, Part 1. 410 p.
- Lur'e, Ya. S. (1988). 'Apokrify o Solomone', in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad: Nauka, Vol. 2, Part 1, 66–68.
- Lur'e, Ya. S. (1965). 'Srednevekovi roman ob Aleksandre Makedonskom v russkoi literature XV veka', in: *Aleksandriya. Roman ob Aleksandre Makedonskom po russkoi rukopisi XV veka*. Moscow; Leningrad: Nauka, 145–168.
- Lur'e, Ya. S., ed. (1970). *Istoki russkoi belletristiki. Vozniknovenie zhanrov syuzhetnogo povestvovaniya v drevnerusskoi literature*. Leningrad: Nauka. 594 p.
- Makhinina, N., Sidorova, M. (2016). 'Istoricheskoe vremya v romane E. Vodolazkina *Lavr* (k postanovke problemy)', *Filologiya i kul'tura. Philology and culture*, 2 (44), 271–274.
- Makhinina, N., Sidorova, M., Nasrutdinova, L. (2019). 'Drevnerusskii tekst v romane E. Vodolazkina *Lavr* (Aleksandriya)', *Filologiya i kul'tura. Philology and culture*, 1 (55), 184–189.

- Marzheret, Zh. (2003). 'Sostoyanie Rossiiskoi derzhavy i velikogo knyazhestva Moskovskogo', in: *Rossiya XVII veka. Vospominaniya inostrantsev*. Smolensk: Rusich, 10–76.
- Massa, I. (2003). 'Kratkoe izvestie o Moskovii', in: *Rossiya XVII veka. Vospominaniya inostrantsev*. Smolensk: Rusich, 77–256.
- Moldovan, A. M., ed. (1999). 'Zhitie Andreya Yurodivogo', in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. St. Petersburg: Nauka. Vol. 2: XI–XII veka, 330–358.
- O dvoine — sestre s bratom i ob ego "okhote" (2000), in: *Russkie skazki i pesni Sibiri*. St. Petersburg: Tropa Troyanova, 471–473. (Polnoe sobranie russkikh skazok. Predrevolyutsionnye sobraniya; Vol. 3).
- Onchukov, N. E., ed. (1998). 'Ivan-tsarevich i devitsa-tsaritsa', in: *Severnye skazki. Sbornik N. E. Onchukova*. St. Petersburg: Tropa Troyanova. Vol 1, 61–71.
- Palladii, episkop Elenopol'skii (2013). *Lavsaiik, ili Povestvovanie o zhizni svyatykh i blazhennykh ottsov*. Moscow: Blagovest. 384 p.
- Panchenko, A. M. (1984). 'Smekh kak zrelishe', in: Likhachev, D. S., Panchenko, A. M., Ponyrko, N. V. *Smekh v Drevnei Rusi*. Leningrad: Nauka, 72–153.
- Petrei, P. (1997). 'Istoriya o velikom knyazhestve Moskovskom', in: Massa, I., Petrei, P. *O nachale voin i smut v Moskovii*. Moscow: Fond Sergeya Dubova, Rita-Print, 151–464.
- Petrov, A. V. (2014). 'Novgorodskie yurodivye Nikolai Kochanov i Fedor i ikh "rasprya"', in: *Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh: Al'manakh*. St. Petersburg; Kazan'. Vol. 2, 58–73.
- Podrezova, N. N., Kharlashkin, Yu. S. (2018). 'Semantika kladbishchenskogo khronotopa v romane E. G. Vodolazkina *Lavr*', *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2, 134–140.
- Prokhorov, G. M., ed. (1999). 'Sudy Solomona', in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, St. Petersburg: Nauka. Vol. 3: XI–XII veka, 172–190.
- Pypin, A. N., ed. (1862). 'Skazaniya o Solomone i Kitovrase', in: *Pamyatniki starinnoi russkoi literatury*. St. Petersburg: Tipografiya P. A. Kulisha. Vol. 3: Lozhnye i otrechennye knigi russkoi stariny, sobrannye A. N. Pypinym, 51–58.
- Rozhdstvenskaya, M. V., ed. (1999). 'Skazanie ottsa nashego Agapiya', in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, St. Petersburg: Nauka. Vol. 3: XI–XII veka, 338–348.
- Rudi, T. R. (2006). 'O kompozitsii i topike zhitii prepodobnykh', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 57, 431–500.
- Rudi, T. R. (2015). 'Ob askeze yurodivykh (iz istorii agiograficheskoi topiki)', *Slověne*, 1, 456–473.
- Rudi, T. R. (2009). 'Ob odnoi talmudicheskoi paralleli k "apokrificheskomu" zhitiyu Vasiliya Blazhennogo', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. St. Petersburg: Nauka. Vol. 60, 103–136.
- Rudi, T. R., ed. (2009). Zhitie Vasiliya Blazhennogo, in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, Sankt-Peterburg: Nauka, Vol. 60, 122–136.
- Rudi, T. R., ed. (2006). 'Zhitie Yulianii Lazorevskoi', in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, St. Petersburg: Nauka. Vol. 15: XVII vek, 108–116.
- Russkii khronograf. Polnoe sobranie russkikh letopisei* (2005). Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, Vol. 22. 896 p.
- Sargsyan, M. (2019). 'Kontsepsiya povtoryaemosti i nepovtoryaemosti v romane Evgeniya Vodolazkina *Lavr*', in: Skotnitska, A., Svezhii, Ya., eds. *Znakovye imena sovremennoi russkoi literatury: Evgenii Vodolazkin*. Kollektivnaya monografiya. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 223–234.

- Skazanie o Feodore Novgorodskom Khrista radi yurodivom*. URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija\\_svyatykh/svyatyje-novgorodskoj-zemli-ili-istorija-svyatoj-severnoj-rusi-v-likah-10-18-ww-tom-1/4\\_7](https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svyatykh/svyatyje-novgorodskoj-zemli-ili-istorija-svyatoj-severnoj-rusi-v-likah-10-18-ww-tom-1/4_7) (data obrashcheniya — 17.04.2020).
- Skotnitska, A. (2019). 'Obshchenie vlyublennykh v Lavre Evgeniya Vodolazkina', in: Skotnitska, A., Svezhii, Ya., eds. *Znakovye imena sovremennoi russkoi literatury: Evgenii Vodolazkin*. Kollektivnaya monografiya. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 191–202.
- Tvorogov, O. V., ed. (1997). 'Zhitie Feodosiya Pecherskogo', in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, St. Petersburg: Nauka. Vol. 1: XI–XII veka, 352–433.
- Tvorogov, O. V., Davydova, S. A., eds. (1999). *Letopisets Ellinskii i Rimskii*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 1, 85–178.
- Vaneeva, E. I. (1988). Aleksandriya Serbskaya', in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad: Nauka, Vol. 2 (vtoraya polovina XIV — XVI vek), Part 1: A–K, 21–25.
- Vaneeva, E. I., ed. (2003). 'Aleksandriya', in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. St. Petersburg: Nauka. Vol. 8: XIV — pervaya polovina XVI veka, 14–148.
- Vaneeva, E. I., ed. (2002). *Fiziolog*. St. Petersburg: Nauka. 167 p.
- Veselovskii, A. N. (2001). *Merlin i Solomon: Slavyanskie skazaniya o Solomone i Kitovrase i zapadnye legendy o Morol'fe i Merline*. [Izbrannye raboty]. Moscow: EKSMO-Press; St. Petersburg: Terra Fantastica. 864 p. (Antologiya mysli).
- Vlasov, A. N. (2010). *Zhitiinye povesti i skazaniya o svyatykh yurodivykh Prokopii i Ioanne Ustyuzhskikh*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko. 640 p.
- Vodolazkin, E. G. (2020). 'Dom i ostrov', in: Vodolazkin, E. G. *Idti bestrepetno: mezhdu literaturoi i zhiznyu*. Moscow: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi, 89–107.
- Vodolazkin, E. G. (2014). *Lavr: roman*. Moscow: AST. 440 p.
- Vodolazkin, E. G., Prokhorov, G. M., eds. (1999). 'Zhitie Kirilla Belozerskogo', in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. St. Petersburg: Nauka, Vol. 7: vtoraya polovina XV veka, 132–216.
- Vodovozov, N. V. (1957). 'Povest' XIII veka ob Aleksandre Nevskom', in: Revyakin, A. I., ed. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni V. P. Potemkina*. Moscow. Vol. 67, Kafedra russkoi literatury, 6, 21–45.
- 'Volk — mednyi lob' (1934), in: *Skazki i predaniya Severnogo kraya*. Moscow; Leningrad: Academia, 17–20 (№ 7).
- Yakovlev, V. (1875). *Drevne-Kievskie religioznye skazaniya*. Warsaw: Tipografiya Varshavskogo Voennogo okruga. 164 p.
- Zelenin, D. K. (1995). *Izbrannye trudy*. Moscow: Indrik. [Vol. 2]: Ocherki russkoi mifologii. Umershie neestestvennoyu smert'yu i rusalki. 432 p.
- 'Zhitie Avraamiya Zatvornika' (1880, reprint 2009), in: *Velikie minei chetii, sobrannye vserossiiskim mitropolitom Makariem*, October, 19–31. St. Petersburg: Tipografiya O. G. Eleonskogo i Ko, clms 1996–2024 (October, 29). (Pamyatniki slavyano-russkoi pis'mennosti).
- 'Zhitie prepodobnogo ottsa nashego Arseniya Velikogo' (2004), in: *Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennyye po rukovodstvu Chet'ikh-Minei svyatogo Dimitriya Rostovskogo* [reprint]. Kiev: Svyato-Uspenskaya Kievo-Pecherskaya Lavra. Vol. 9, May, 8, 244–270.
- Zhitie prepodobnogo ottsa nashego Vasiliya Novogo*. URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij\\_Rostovskij/zhitija-svyatykh/276](https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svyatykh/276) (data obrashcheniya — 27.10.2020).